

★ ВЕЛИКИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

ПРОФИ
КРУПНОГО
КАЛИБРА

Михаил НЕСТЕРОВ

Михаил Нестеров
Профи крупного калибра

«ЭКСМО»

2001

Нестеров М. П.

Профи крупного калибра / М. П. Нестеров — «Эксмо», 2001

Его взяли на крепкий крючок. Легендарного Араба, киллера-одиночку, мастера высшего класса, выманили из логова и заставили исполнять чужую волю. Араб умеет многое – любой безобидный предмет в его руках становится смертоносным оружием, но не это главное – он умеет просчитывать ходы. А эта игра пахнет предательством и ликвидацией исполнителя в конце – чутье его пока не подводило. Хорошо, он примет `заказ`, он сделает все как надо. Они еще узнают, как опасно будить спящего зверя...Роман издавался под названиями "Спящий зверь" и "Болевой прием"

© Нестеров М. П., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1	9
1	9
2	11
3	13
4	16
5	20
6	23
Глава 2	25
7	25
8	29
9	32
10	34
Глава 3	38
11	38
12	43
13	47
14	50
Глава 4	52
15	52
16	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Михаил Нестеров

Профи крупного калибра

Этот герой ушел в бездну, ушел безвозвратно, прощенный в ночь на воскресенье...

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Вместо пролога

Москва, май 1993 года

Квартира, куда проник Лев Радзянский, находилась во втором блоке комплекса по улице Наметкина, недвижимое имущество было собственностью крупной финансово-промышленной группы «Митекс», возглавляемой Александром Грибановым. Накануне развода Грибанова с первой женой строители закончили отделочные работы в жилом здании этого блока, и Александр Савельевич занял роскошную четырехкомнатную квартиру.

Ее планировка оказалась достаточно оригинальной: просторный прямоугольный холл, куда ступил Радзянский, с дверями в спальню, столовую и рабочий кабинет, походил на аркадный бильярд в компьютерной игре. Этот образ усиливался зеленоватым ковровым покрытием, по которому бесшумно ступал ночной гость.

Радзянский был одет во все темное – брюки и застегнутую наглухо легкую куртку с множеством карманов. В правой руке Лев держал немецкий «вальтер», в левой – фонарик.

Приоткрытая дальняя дверь пропускала в холл узкую полоску неяркого света; скорее всего от ночника, подумал Радзянский. И, заглянув в спальню, убедился в своей правоте.

По обе стороны массивной кровати пристроились тумбочки с изогнутыми и довольно высокими для такого вида мебели ножками; слева возвышался изящный платяной шкаф и не совсем к месту, справа от двери, – комод необычной овальной формы. Собственно, такую конфигурацию комоду придавала мягкая плавность углов и лицевые изгибы панелей выдвижных ящиков.

Как и в последние два дня, Грибанов пришел домой не один. Тело молодой блондинки наполовину скрывало одеяло, рука, лежащая поверх него, смотрелась тонкой и изящной; ночной гость сумел оценить ее красивые плечи, грудь, приоткрытые во сне чувственные губы.

Облик мужчины, лежащего рядом, только подчеркивал красоту девушки: у Грибанова был низкий лоб и редкие короткие волосы.

Радзянский убрал фонарик и извлек из кармана аэрозольный баллончик с компонентами веселящего газа. Он нажал на головку распылителя, и блондинка вдохнула в себя усыпляющую взвесь. Ничто не изменилось в ее безмятежном лице, и дыхание осталось таким же ровным и глубоким.

Ночной гость обошел кровать, наклонился над тумбочкой, где, наполовину опорожненная, стояла бутылка «Мартини» и пара фужеров. Их наличие немного упрощало задачу Радзянского. Он пристроил рядом с бутылкой футляр из-под очков, извлек из него шприц и, сняв предохранительный колпачок, поднес к руке спящего.

Лев действовал быстро и аккуратно. Рассчитанным движением воткнул иглу в нижнюю треть предплечья и нажал на поршень шприца, другой рукой он продолжал держать пистолет, направленный на спящего.

От резкой боли сорокалетний владелец «Митекса» проснулся. Но вряд ли он смог верно истолковать причину своего пробуждения, чему не способствовало отверстие, зияющее в глушителе пистолета, за которым смазанным пятном проглядывало лицо мужчины примерно одного с ним возраста.

Безжизненный зрачок ствола гипнотизировал Грибанова, но он все же попытался перевести взгляд на подругу.

– Ты можешь посмотреть на нее. – Радзянский угадал желание хозяина квартиры. – Медленно поверни голову... Теперь посмотри, что у меня в другой руке... Отлично, ты увидел шприц. Теперь к делу. Ни у тебя, ни у меня нет времени. Я ввел тебе артедрелазин. Этот препарат вызывает острую сердечную недостаточность. У тебя есть секунды на то, чтобы вызвать «Скорую», и еще полчаса на то, чтобы медики подоспели, – потом будет поздно. Сейчас ты

снимешь трубку, наберешь «03». Во-первых, назовешься. Во-вторых, сообщишь свой адрес. В-третьих, скажешь слово в слово: «У меня плохо с сердцем, мне трудно дышать, я теряю сознание». Одно лишнее слово, и я влеплю тебе пулю в голову.

– Зачем?.. – только и сумел произнести Грибанов, не в силах прервать незнакомца, говорившего четким, привыкшим отдавать команды голосом. – Зачем? – повторил он, чувствуя нестерпимое жжение в левой половине груди. – Зачем вы это сделали?

– Кое-кому ты перешел дорогу. Тебя предупредили таким образом.

– Кто?

– Я лишь исполнитель и имен не знаю. А если честно, не хочу знать. Торопись, у тебя нет времени.

Радзянский не из любви к жертве торопил бизнесмена, он сказал ему лишь часть правды. Артедрелазин, который он ввел в руку Грибанова, действительно вызывал острую сердечную недостаточность. Завершив свое разрушительное действие, препарат сам распадается в плазме на отдельные компоненты, в частности в форме гидролазина, и не превышает десятых долей процента. Так что обнаружить его в крови путем судебной медэкспертизы невозможно. Но главное в другом – во времени: время максимальной концентрации в плазме составляет примерно три минуты, и в этот короткий промежуток происходит необратимая реакция – остановка сердца и смерть, за которой следует распад препарата, состоящего на вооружении израильских спецслужб. Так что шансов выжить у главы «Митекса» не было. Но он должен был успеть сделать звонок.

Позже магнитная запись, сделанная в диспетчерской «Скорой помощи», ляжет на стол следователя и вкупе с результатами медэкспертизы покажет, что Грибанов умер своей смертью. А именно такое условие было поставлено исполнителю.

Слабеющей рукой бизнесмен поднял трубку, нажав две кнопки на телефоне. Радзянский предупредил еще раз:

– Ни одного лишнего слова!

– Алло... скорее, пожалуйста, – немеющими губами произнес умирающий, – моя фамилия Грибанов... Адрес: Наметкина, блок два, квартира одиннадцать... У меня плохо с сердцем... Я теряю сознание... Скорее!

Рука с трубкой бессильно упала на грудь.

Радзянский сбросил аппарат на пол, смахнул со стола фужеры. Отбросив одеяло, свалил Грибанова на пол. Тот упал на осколки фужера, поранив плечо.

Действие препарата вступало в завершающую фазу. Грибанов не мог сопротивляться, чувствуя, как деревенеют конечности. В них стремительно зарождался холод, тогда как грудь жгло огнем.

Осколком разбившейся рюмки на месте красноватого пятнышка от иглы убийца сделал надрез и оставил стекло в ране. Теперь, если и будут попытки найти след от инъекции, обнаружить его не удастся.

Затем Радзянский высыпал на полированную поверхность тумбочки со стороны спящей девушки немного кокаина и разделил его на две дорожки. Оставшийся в пакетике наркотик ссыпал под язык блондинки, приоткрыв ей рот. Вот и готова причина, по которой ощутивший острую сердечную боль Грибанов не смог разбудить подругу. По той же причине она не сможет открыть дверь бригаде «Скорой помощи». Потом девушка может сколько угодно клясться всеми святыми, что не принимала наркотик, но анализ крови покажет обратное.

Лев вышел на площадку, с помощью изогнутой стальной проволоки водворил на место дверную цепочку и захлопнул дверь.

«Скорая» прибыла оперативно. Прячась в тени соседнего подъезда, Радзянский наблюдал за действиями врача, нажимавшего кнопки домофона. Наконец кто-то из жильцов элитной

«коробки» впустил бригаду, но, как и предполагал Радзянский, дело закончилось приездом милицейского наряда, который и взломал дверь квартиры Грибанова.

Это была первая работа Радзянского в качестве наемного убийцы-одиночки, эпизод, почти стершийся из его памяти. Кто мог знать, что спустя годы он снова вспомнит о нем, пусть не как о ключевом, но первом в ряду десятка убийств, вроде бы не связанных между собой. И тем не менее имеющих тесную взаимосвязь.

Глава 1

Начало игры

1

Москва, июнь 1999 г.

Провожая незнакомца взглядом, Лев Платонович Радзянский подумал, что тот не сказал ничего и в то же время – слишком много. «Пятая спица в колесе» – такую оценку он дал высокому черноглазому парню в черных фирменных джинсах и майке.

Пройдя вдоль ряда аквариумов, Радзянский остановился возле среднего по размерам, на зеркальной поверхности которого отразилось его лицо восточного типа, с острым носом и чуть навывкате карими глазами.

Легально Лев Радзянский занимался не очень выгодным бизнесом: держал небольшой магазин «Природа», расположенный на улице Вавилова.

Мысленно Лев вернулся к началу разговора с незнакомцем, который без труда запомнил до последнего слова. Этот крепко сложенный парень появился в магазине, когда до перерыва на обед оставалось четверть часа, и, держа одну руку в кармане, медленно, делая непродолжительные остановки у каждого аквариума, прошел в конец зала к хозяину магазина.

Вот сейчас, вспоминая, Радзянский с уверенностью мог сказать, что начал черноволосый с домашней заготовки. Лев в это время отсаживал из аквариума самку-скалярию. Как ни странно, но он отметил, стоя спиной к человеку, чье лицо не мог видеть в тот момент, что слегка надтреснутый голос был чуждым всей атмосфере магазина, с его неповторимым запахом, своеобразным мирком, где жили своей жизнью тысячи безобидных тварей. Радзянский и сейчас не мог отделаться от этого чувства.

– Знаете анекдот?.. Один спрашивает: «Ты почему не меняешь воду у рыбок?» А другой отвечает: «Они еще эту не выпили».

Лев обернулся и увидел улыбающегося молодого человека лет двадцати пяти, с массивным носом и тяжелой нижней частью лица. Несмотря на развязный тон, глаза посетителя оставались настороженными. По привычке Лев бросил взгляд на его руки, ибо именно они порой выдают человека, каким бы спокойным ни был голос и выражение лица.

Тот продолжал держать одну руку в кармане, а другая, зафиксировавшись большим пальцем на ремне брюк, была чрезмерно напряжена, костяшки пальцев чуть побелели.

Радзянский тяжело взглянул на лицо посетителя, убеждаясь, что тот боится его.

– Слышал такой анекдот, – спокойно произнес хозяин, делая шаг навстречу и наблюдая, как гость поспешно отступает в сторону. Вытирая на ходу руки, Лев бросил через плечо: – Еще не расскажете?

Ответа не последовало. Однако настойчивый парень шел следом.

– Мне кажется, я не впервые вижу вас в нашем магазине. Чем увлекаетесь: рыбками, птицами?

Гость отрицательно покачал головой, облизывая пересохшие губы.

Вот теперь Радзянский на сто процентов был уверен, что парень, старавшийся выглядеть спокойным, даже развязным, знает, кто он, Лев Радзянский, и чем, кроме содержания магазина, занимается. Точнее, занимался.

Тотчас пришло беспокойство: почему его не предупредили о визите хотя бы телефонным звонком? Затем беспокойство возросло: выходило, что произошла утечка информации и на него вышли без участия надежного и единственного партнера.

– Тоже нет? – продолжил опрос Лев Платонович после непродолжительной паузы. – Может, у нас с вами общие знакомые?

Он дал знать этому человеку, чтобы тот приступил к делу.

– Да, у нас с вами есть общий знакомый, – поспешно отозвался парень, озираясь на продавца, прошедшего мимо.

– Я так и знал, – сказал Лев, – осталось выяснить его фамилию.

– Фамилия?.. Не знаю... Его вот-вот понизят в должности.

Радзянский усмехнулся. «Понизить в должности» на жаргоне оперативников внешней разведки означало физическое устранение. А этот болван, видимо начитавшись специальной литературы, решил козырнуть или дать понять, что он не простой смертный.

– Не повезло ему, – голосом, в котором напрочь отсутствовало соболезнование, ответил Радзянский.

Он дотянулся рукой до стопки бумажных кульков для расфасовки сухого корма и бросил на одном несколько слов. Дав парню прочесть, скомкал бумагу и выразительно поглядел на дверь, давая понять, что разговор окончен.

«В четыре напротив ресторана «Багратион» – было написано на бумаге.

За посетителем закрылась дверь, а Лев продолжал анализировать ситуацию, рассеянно наблюдая, как в аквариуме, словно соревнуясь, плавают две желтоватые лягушки, отталкиваясь лапами от стекла и переворачиваясь. Одна лягушка выдохлась и застыла в центре аквариума, неподвижными глазами наблюдая за одержавшей верх соперницей.

Радзянский позвонил по телефону Борису Левину. Трубку никто не брал. Позвонил ему на сотовый – то же самое. Это был один из тех редких случаев, когда Льву не удалось дозвониться до партнера.

2

У Радзянского была хорошая память, он не стал записывать госномер машины, на которой приехал к месту встречи его недавний гость. «Дилетант, – усмехнулся Лев, – вместо того чтобы поставить свои «Жигули» девятой модели подальше от ресторана, пристроил их в двух десятках метров от угла здания».

Приехал парень к ресторану «Багратион» в отличие от Радзянского точно в срок, сам же Лев Платонович прибыл загодя, примерно за час, поставив свой «БМВ-525» с тонированными стеклами на небольшой стоянке коммерческого Национального торгового банка, буквально кишевшей иномарками. И его машина словно растворилась среди «Мерседесов», «Ауди» и прочих дорогих игрушек.

Радзянскому хорошо были видны все подъездные пути к ресторану. Он не переставал дивиться абсолютной безграмотности незнакомца, который, прождав лишние десять минут, нетерпеливо бросал взгляды то на часы, вскидывая руку, то на свои «Жигули», госномер У860УК, совмещая неприятное с бесполезным: ожидая человека, которого должно и нужно бояться, и присматривая за личным транспортом, чтобы не угнали.

«Нет, он не «казенный человек», – твердо решил Радзянский, продолжая испытывать терпение своего визави, когда часы показали половину четвертого, – оперативник остался бы спокойным, не дергался, не маячил бы у всех на виду, привлекая к себе внимание охранников банка».

По давней привычке давать объектам прозвища Лев, недолго думая, остановился на Пугале – самая точная, пожалуй, кличка.

Объект продолжал вертеть головой, его поведение начало забавлять Радзянского, которого в определенных кругах называли Арабом. Попутно Лев оглядывал проезжающие мимо Пугала машины и пешеходов, обращая внимание на людей молодых и среднего возраста. Пока ничто не говорило о том, что за объектом ведется слежка. Впрочем, если за ним установлено наблюдение, обнаружить его будет сложно. Сам Араб приехал на встречу, будучи твердо убежденным, что «хвоста» за ним нет.

Радзянский носил короткую прическу и всегда был гладко выбрит. Сейчас его внешность изменили парик, наполовину закрывающий уши, и тонкая полоска усов. По молодости лет Араб, еще не носивший этой клички, не верил в этот простой, до некоторой степени тривиальный способ, однако позже поменял свое мнение. Не часто, но пользовался и другими предметами грима агентов спецслужб: контактными линзами с иным цветом радужной оболочки глаз, шариками под щеки, изменяющими форму лица, специальными тампонами, закладывающимися в ноздри и меняющими форму носа.

Суетливый день заканчивался, от банка одна за другой отъезжали машины. «Совершенный болван», – качал головой Радзянский, поторапливая Пугало: еще немного, и «БМВ» Араба останется у дверей торгового банка в одиночестве. Можно подождать полчаса – не больше, но с такой напористостью!.. Такое чувство, что парень, нервничая, поджидает опаздывающую на свидание подружку.

Все, пошел второй час ожидания. Пугало, бросив последний взгляд на часы, озираясь, побрел к машине. Радзянский, выждав и внимательно оглядев улицу, тронулся вслед за «Жигулями». На «БМВ» он без труда «достал» Пугало на перекрестке и пристроился ему в хвост.

Доехав до станции метро «Тушино», «Жигули» свернули на улицу Петушкова и вскоре притормозили возле телеграфа с золотистой вывеской над дверью: «ОАО «Связьинформ». Радзянский запарковал «БМВ» дальше «девятки» и шагнул в помещение, едва зеркальные двери проглотили суетливого человека.

Пугало направился к кассам. Радзянский отчетливо слышал его голос, стоя к парню впол-оборота и делая вид, что выбирает на стенде открытки.

– Мне одну карту... А сколько стоит самая дешевая?..

«Хоть что-то правильно сделал», – подумал Араб о Пугале. Наверняка у того есть домашний телефон, однако решил сделать звонок с телеграфа.

Несмотря на невольное одобрение Радзянского, Пугало совершил очередную ошибку: в кабинке телефона-автомата он облокотился о стойку, открывая почти весь аппарат на обозрение.

Все цифры междугороднего номера, набранные Пугалом, светились на табло современного таксофона зеленоватым светом – как на экране сотового телефона. Потом они вновь сменились на начальные – стоимость карты, но Араба это уже мало интересовало.

Едва цифры поменялись, Пугало с остервенением ткнул в клавишу «ответ». Из кабинки донесся его приглушенный голос:

– Хачирова позовите к телефону... Тогда Чистякова... Скажи, что Николай... А, это ты, Леха... Не узнал. Я думал, ты с подружкой развлекаешься... А, ты с ней... Тогда другое дело... А где Руслан?.. Короче, скажи ему, что ОН не пришел на «стрелку»...

Дальше задерживаться Радзянский не стал – он услышал достаточно. Направляясь к машине, он хмурил лоб: Руслан Хачиров... Это имя было ему незнакомо. Так же как не был знаком человек по имени Леша Чистяков, с которым говорил Николай Пугало. Зато теперь Араб знал по именам трех человек.

Усевшись за руль, он отъехал вперед на полсотни метров и записал на пачке сигарет номер телефона Руслана Хачирова. Теперь осталось выяснить адрес Пугала – судя по номеру на его машине, он местный, если не взял автомобиль у кого-то из своих знакомых, – и пообщаться с ним.

К этому времени Радзянский немного уравнил шансы. Его оппоненты знали о нем достаточно, чтобы вызвать оправданное беспокойство. Теперь он знает имя и, как хотелось ему думать, заказчика. Пешка ли Руслан Хачиров, как и Николай, выяснится после общения с обоими. Но вначале он встретится с Пугалом.

Спустя десять минут езды по городу Пугало привел Араба к подъезду своего дома. В том, что парень живет один, Радзянский убедился чуть позже.

Он сделал еще пару звонков Борису Левину, но партнер снова не ответил.

3

Таких специалистов, как Лев Платонович Радзянский, раньше называли планировщиками. До 1993 года Радзянский входил в состав спецгруппы Комитета госбезопасности с тревожным названием «Набат». Сто двадцать бойцов этого отряда, схожего с «Альфой», практически все пятнадцать лет своего существования находились либо в заграникомандировках, либо продолжали совершенствоваться в учебно-тренировочных лагерях.

Радзянский вошел в состав «Набата» довольно поздно как по годам – ему в ту пору уже стукнуло двадцать девять, – так и по профессиональным соображениям. После окончания МГИМО ему предложили поработать в разведке, и он, побывав на Кузнецком Мосту (приемная КГБ), дал согласие, казалось, его ждет будущее, которым он грезил наяву. Лев окончил спецкурсы, дождался вакансии и отбыл на оперативную работу в советское посольство в Каире под прикрытием вице-консула. Две вербовки за три года службы, масса впечатлений о стране и немного неудовлетворенности работой разведчика – с таким багажом в 1980 году Лев Радзянский вернулся на родину. Его уже встречали у стойки таможенного контроля, через которую беспрепятственно проходят пассажиры с дипломатическим статусом, довели до дома на служебной «Волге» и сказали, что на завтра ему заказали пропуск в штаб-квартиру внешней разведки.

Начальник восточного отдела Управления легальной разведки, милейший и симпатичный человек, благосклонно принял от подчиненного подарки, посоветовал лучший преподавательский курс начальнику управления кадров.

– Подмажь его, Левушка, – мягко и тем не менее настойчиво рекомендовал полковник Шерстнев, – глядишь, подействует тебе, переберешься ближе к центру. – Шеф имел в виду одну из европейских стран – Францию или Англию, где, как считают многие опытные разведчики, можно пройти настоящую школу оперативного работника Первого главного управления.

– Да нет, Василь Ефимыч, – избегая глядеть в глаза полковнику, отвечал молодой оперативник, – наверное, я подам заявление об отставке.

– Да ты что, Лева! Никак белены объелся?..

– Точно, Василий Ефимович, я уже решил. Во всяком случае, на время уйду в резерв, а там видно будет.

Шерстнев покачал головой: жаль было потерять такого хорошего работника. И глава советской резидентуры в Египте Игорь Васильевич Смеляков, и его заместитель всегда тепло отзывались о подчиненном. Лев прекрасно контактировал со службистами всех ведомств посольства – КГБ, МО, МИД, проявил себя как «исполнительный и инициативный работник». К тому же у Радзянского была незаурядная внешность: в Египте, например, его нередко принимали за араба, в Греции, где он побывал по делам службы вместе с заместителем резидента, – за грека. По-арабски он говорил без акцента. В паспорте Льва Радзянского было указано, что он русский, на самом деле его отец был евреем, а мать – донской казачкой.

– Так ты еще не определился с местом работы? – помолчав, спросил Шерстнев, воспитавший не одно поколение толковых разведчиков. Но ему, увы, порой приходилось прощаться с операми: кого-то выгоняли за пьянку, кто-то уходил «по аморалке». Другие, вот как в случае с Левою, писали «по собственному», и мало кто из них оставался в действующем резерве. А миф о том, что КГБ и Компартия просто так не отпускали, живет и поныне.

– Пока не определился, Василий Ефимович, – ответил Радзянский, напомнив: – Я только вчера прибыл.

– Вчера-то вчера. А мозговать начал когда?

– Давно, – искренне признался разведчик, – справочки кое-какие наводил.

– Что еще за справочки?

– Да так...

– Лева, может, у тебя финансовые трудности или еще что-то, скажи, поможем.

– Спасибо, Василий Ефимович, но дело не в этом. И работа интересная, но... чего-то не хватает.

Шерстнев вопросительно поднял бровь, дожидаясь ответа.

И дождался: Лева огорошил его одной фразой:

– Нету боевых действий! – Он, как семилетний пацан, прицелился в бывшего чекиста пальцем: – Кых-ких!

Шеф беззвучно рассмеялся, демонстративно раскрывая зеленый дипломатический паспорт Радзянского.

– Лев Платонович, я вот тут смотрю: двадцать восемь лет тебе... – и опять же вопросительно воззрился на подчиненного.

Радзянский придвинулся ближе к столу и чуть ли не в лицо начальнику задышал жаром откровения:

– Вот хоть убейте меня, Василий Ефимович, ничего не могу с собой поделать, когда, например, беру клиента в оперативную разработку: встречаюсь с ним, беседую, ужинаю в дорогом ресторане...

Шерстневу голос разведчика показался зловещим, и он, невольно округлив глаза, ждал очередного Левиного «признания». И снова дождался. Радзянский выдал:

– А мне не хочется его разрабатывать, Василий Ефимович, а...

– А что?..

– Ликвидировать!

– Чего?!

– Ликвидировать, убрать, устранить! Прямо за стойкой бара или за столиком в ресторане. Потом, отстреливаясь, выбить ногой окно и уйти от погони на машине.

– Н-да... – крикнул полковник. – А ты, Лева, там, случаем, никого... это... не ликвидировал под шумок?

Пока подчиненный мечтательно молчал, Василий Ефимович, так или иначе заинтригованный разговором, спросил:

– А если в разработке женщина?.. С ней как поступишь?

– Как с Матой Хари! – без запинки ответил молодой опер.

Шерстнев неудержимо закашлялся, но в приступах кашля сумел-таки выговорить:

– Так ее не только это... Ее надо еще и того...

Будущий террорист помог шефу: зажег спичку и поднес к прыгающей в губах сигарете.

– Да, Лева, хоть ты и не похож на клоуна, а насмешил меня... Давно я так не смеялся. – После непродолжительной паузы, успокаиваясь и переходя на официальный тон, Шерстнев сказал: – Ты с увольнением не торопись, тебе лучше переводом оформиться в силовое спецподразделение. Ежели, конечно, ты не придуривался передо мной.

– Говорил как на духу!

Не совсем, надо сказать, оперативному переводу из одного отдела в другой способствовала личная инициатива Шерстнева. Полковник решил немного подождать, надеясь, что Лева все же «оправится». Как и положено, Радзянский написал отчет о проделанной работе, после обычной месячной обработки оперативнику дали отдохнуть, затем он несколько месяцев выполнял поручения «конторы» в горсовете и только после этого был зачислен в бригаду «Набат». Шел 1981 год.

За двенадцать лет службы в спецподразделении Радзянский поучаствовал в нескольких серьезных заграничных командировках, сбылась и голубая мечта – приходилось и стрелять. Но в основном он занимался боевым планированием. В уже готовые разработки он вносил лич-

ные коррективы, порой отличающиеся, казалось, неоправданной жестокостью, однако впоследствии они оказывались единственно верными.

Не только «Альфа» в свое время, но и спецподразделения из «Набата» ответили на действия террористов одной восточной страны таким образом, что у видавших виды черноволосых арабов седали шевелюры.

В 1990 году корреспондент ТАСС Олег Мелешко, вице-консул Егор Пиваков и второй секретарь посольства Николай Загаруев были взяты в качестве заложников в стране пребывания. Экстремистам не понравились действия Советского Союза в этом государстве. Пока шли переговоры, в страну была срочно заброшена группа «Набат». И вовремя: к этому часу у двух советских подданных были отрезаны указательные пальцы и посланы в наше посольство с требованием прекратить военное давление на оппозицию.

Тут, спасибо ей, хорошо сработала советская нелегальная разведка, сообщив в резидентуру адреса двух руководителей группировки оппозиционеров. Бойцы «Набата» в полной боевой выкладке блокировали весь прилегающий к месту жительства названных лиц квартал и взяли обоих. Но это полдела, поскольку русские парни все еще находились в плену. Оставшуюся часть проделал Лев Радзянский – Араб, к тому времени заместитель командира бригады. Упорствующий глава террористов смело положил руку на стол, думая, что русский, похожий на араба, блефует. Только Араб не думал шутить. Он широко размахнулся специальным ножом-мачете и отрубил смельчаку кисть. Потом вторую. По каналам нелегалов «подарок» отослали главе религиозной партии, имевшей влияние на террористов. Пока те медлили с ответом, Радзянский присовокупил к отрубленным рукам и голову террориста.

К утру заложников освободили. Кроме уже известных увечий, на их телах не было ни одной царапины.

Прошло два года, одна нехорошая новость чередовалась с другой. Дело не в конкуренции с группой «Альфа». Спецподразделения высшего класса, чувствующие себя за кордоном лучше, нежели дома, были переданы в подчинение Главного управления охраны первого президента России. Какой идиот решил поэкспериментировать, скрестив охранников и диверсантов, осталось загадкой. Та же участь постигла и «Альфу», но для нее все закончилось благополучно: впоследствии был создан отдел «А», по названию отряда, или департамент «А». А бригаду «Набат» вскоре расформировали и отправили дослуживать... милиционерами!

Араб на такое предложение только криво ухмыльнулся. Однако, оставив в декабре 1993 года службу в звании майора, принял другое предложение, что в корне изменило его жизнь.

И вот уже шесть, да нет, уже семь лет, он работает «in naturalibus», «голым», то есть в одиночку. Сам на себя.

4

Радзянский терпеливо дожидался, когда Николай Пугало выведет на прогулку своего пса – белесого, как привидение, бультерьера. В начале седьмого Николай уже выгулял это чудовище с красной пастью и бесноватыми глазками. В этот короткий промежуток времени Араб ознакомился с замками на двери квартиры Николая и нашел их достаточно примитивными. Хотя наверняка хозяин считал их верхом совершенства. На один из них у Радзянского имелся мастер-ключ немецкого производства, изготовленный в стенах разведки Восточной Германии «Штази», открывающий большинство замков английского типа. А второй замок, реечный, легко (для Араба) открывался при помощи обычного ершика для чистки примусов; достаточно протолкнуть его в скважину, и рейка, какой бы угол ни был нарезан на ней, отходила как под воздействием «родного» ключа. Радзянский не раз пользовался подобным приспособлением; в общем-то специфический товар, и Лев хранил дома около десятка ершиков.

Профессиональному планировщику хватило нескольких секунд, чтобы разработать план предстоящей операции. Что касается квартиры Пугала – она была типична для домов сталинской застройки. Арабу не понадобилось даже закрыть глаза, чтобы представить вначале короткую и узкую прихожую, совмещенный санузел. Прихожая заканчивалась стеной большой комнаты, или зала, и начинался коридор, ведущий на кухню; слева – арка комнаты. В квартире Николая была еще и спальня, но она интересовала Араба меньше всего: ночевать у Пугала он не собирался.

Чуть стемнело, и Радзянский, сидевший на скамейке у соседнего дома, увидел в свете фонаря у подъезда живописную пару. Провожая глазами Пугало и бультерьера, Лев насмешливо прикинул, кто из них страшнее.

Араб был одет в черные джинсы и клетчатую рубашку с длинными рукавами. Явился он налегке, в полиэтиленовом пакете находился донельзя урезанный джентльменский набор: ершик для чистки примусов, грязная, пропотевшая майка и выдавший виды немецкий пистолет «вальтер Р-38». При помощи этих предметов он намеревался проникнуть в квартиру, усмирить пса и запугать Пугало.

Когда бультерьер приблизился к ближайшему гаражу и, свирепо сосредоточившись, поднял на него кривую ногу, Араб снялся с места и не спеша направился к подъезду.

На первом этаже между дверями квартир 22 и 23 находился общий выключатель. Радзянский выключил свет в подъезде и легко взбежал по ступенькам на второй этаж. Сумеречного света, боязливо струившегося сквозь пыльное окно, было достаточно, чтобы быстро открыть вначале нижний замок с защелкой, на время оставляя в нем универсальный ключ, так как он закрывался на два с половиной оборота, затем верхний замок, реечный; ершик мягко и бесшумно сдвинул рейку, пропуская Араба в квартиру.

Лев закрыл за собой дверь, несколько раз, взявшись за шишечку замка, подвигал рейкой, освобождая оставшиеся в замке капроновые волоски от ершика. Затем прошел к окну, отыскивая глазами хозяина квартиры и его четвероногого друга.

Как и в дневную прогулку, они не уходили со двора. «Видимо, у него натура такая», – решил Радзянский, примечая знакомое уже поведение парня: тот озирался на подъезд так же, как не выпускал из виду свою машину, поджидая Араба у ресторана.

Лев вынул из пакета грязную майку, снова открыл входную дверь и протер майкой косяк, чтобы собака загодя почуяла в доме чужого. Потом он провез майку по полу и, открыв дверь в санузел, бросил ее за порог.

На лице Араба не промелькнуло и тени удовлетворения, когда он, скрываясь в крошечной тьме за открытой дверью туалета, услышал злобное рычание пса и скрежет его когтей о

входную дверь: бультерьер уже знал, что в квартире находится чужой, чего нельзя было сказать о хозяине, который громким голосом осаживал пса.

Кто-то из жильцов уже давно включил свет в подъезде, и, когда Пугало открыл дверь, в прихожую, разрастаясь на глазах, проник желтоватый лоскут света. Вырывая из рук хозяина поводок, склонив морду к полу, первым ворвался в квартиру бультерьер и – мгновенно ориентируясь по вездливому запаху пота – рванул в ванную. Он был не настолько глупым псом, чтобы долго и бесполезно терзать тряпье, но попался на обман. Араб, стоя за дверью и выжидая удобный момент, не дал собаке прийти в себя и выскочить наружу. Он толкнул дверь и навалился на нее плечом, защемляя поводок, один конец которого держал в руках хозяин квартиры.

Николай не успел испугаться, он оторопело смотрел в черное отверстие направленного на него пистолета.

Свободной рукой Радзянский потянулся к выключателю.

– Закрой дверь! – тихо, но грозно приказал он хозяину. – На счет «три». Раз, два... – Он невольно поморщился от злобного лая бультерьера; тот буквально бился головой в дверь. – Три.

Разом вспыхнул свет в прихожей и закрылась входная дверь, через которую шмыгнул обратно желтушный свет лампы на лестничной клетке.

Николай еще ничего не понял, он выполнил команду автоматически и не узнал человека, с которым в его собственном магазине завел поначалу полушутливый разговор и которого ждал битый час, проклиная и его, и Руслана Хачирова. Он не узнал Араба не потому, что на нем по-прежнему был парик, а верхняя губа насмешливо кривилась тонкой полоской смоляных усов, – ему бы и в голову не пришло, что их встреча может состояться подобным образом. Сейчас он видел перед собой незнакомого вооруженного человека, который своим ледяным взглядом наводил на него ужас.

– Лицом к стене! – приказал Радзянский. – Руки за голову, ноги расставить!

Его голос звучал по-прежнему тихо и зловеще. Коридор был узок, поэтому, чтобы провести свободной рукой по ногам, груди и спине хозяина, Арабу не пришлось отступить от двери туалета.

Обыск носил чисто показательный характер, прозвучали очередные команды, а Николай непроизвольно начал дрожать всем телом.

Араб развернул его к себе за плечо и кивнул назад, на дверь ванной.

– Скажи своему динго, чтобы заткнулся. Иначе я набью морды вам обоим.

Севшим голосом Николай неуверенно подал голос:

– Нельзя, Сэр! – И более нерешительно: – Свои!

Бультерьер успокоился и лег, сопливо потягивая воздух из-под двери.

– Пошли в комнату. – Радзянский прикрыл дверь в прихожую, зафиксировал ее стулом и сел.

В нерешительности Николай остановился посреди комнаты. Араба он еще не узнал, хотя его голос показался знакомым. «Что происходит? – думал он. – Последнее время вроде бы ни во что не вляпался...»

Его гадания прервал голос незнакомца с пистолетом:

– Так зачем ты меня хотел видеть, щенок? Ты думал, что я побегу на «стрелку» на четырех, как твой динго? Видно, кроме собак, ты ни с кем больше не общаешься.

В комнате было темно, Радзянский сидел за аркой, свет падал на него сзади, из прихожей, через рифленое стекло двери. После слов гостя Николаю незачем было всматриваться в его лицо: он узнал Араба, чье прозвище вызывало трепет даже у сослуживцев. А он шел к нему в магазин по заданию Руслана Хачирова, испытывая лишь легкое недомогание. Поначалу вроде бы все было легко: уютный магазинчик с рыбками и попугайчиками, благоговейная тишина, нарушаемая лишь голосами птиц и тихим плеском воды в аквариумах. Просто не верилось,

что среди этой красоты, сдобренной неповторимым запахом «малой» природы, притаился, как зверь, как чудовище из другого мира, Араб, планировщик, наемный убийца. И он поверил, что отделается легко, согласившись на встречу у «Багратиона». Хотя, покинув мирок живой природы, чей воздух наполнен первозданной святостью, Николай, как свежайшего кислорода, с облегчением хватанул изрядную порцию выхлопных газов от проезжавшей мимо машины.

Радзянский продолжал давить на хозяина:

– Ты не молчи. Я не люблю, когда меня тревожат незнакомые люди. Обычно они остаются неузнанными. Ты о себе говорил? Это тебе жизнь надоела?

– Не мне, – наконец разлепил рот Николай, – одному человеку.

– Говори, кто он. Потом я спрошу, откуда ты, гаденыш, узнал мой адрес.

– Там... Ну, в общем... Там не один человек... Два. Двое. Можно, я сяду?

Радзянский отказал в просьбе хозяину.

– Стой! Если будет нужно, ты будешь не только стоять, но и висеть. Сколько потребуется. Кто тебя послал?

Самое время свалить все на Хачирова, сбросить с плеч груз – хотя бы для того, чтобы легче было стоять на ногах. Но нельзя, Руслан дал определенные инструкции. Правда, спросил: «Справишься?» А он, Николай, только что не козырнул в ответ. Покалякать с Арабом? С одним? Ха! Да хоть со всеми гражданами Арабских Эмиратов. «Докалякался... Этот Араб с меня живого не слезет».

А еще Николай подумал о том, что его могли бы и предупредить, тот же Руслан мог сказать, чем закончится сегодняшний вечер, поскольку в курсе всех деталей этой тонко спланированной операции. Хотя... Хачиров вряд ли мог предугадать действия Араба. А вот старик...

Николай отдал себе неуверенный приказ успокоиться, взять на вооружение тактику наступления. Нет, не так, даже не успокоиться, а раскрепоститься. У него деловое предложение, и разве Радзянский здесь не для того, чтобы выслушать его? Это его право, его личная манера или тактика, черт бы ее побрал, появляться тогда и так, как ему выгодно и безопасно. Это его прерогатива. Бог мой, а это что еще за слово?..

Николай нашел в себе силы и сказал:

– Я все-таки сяду.

На негнущихся ногах он дошел до стула и сел верхом, как Михаил Леонтьев в передаче «Однако».

Только сейчас, словно в сидячем положении думать было легко и непринужденно, Николай понял, что восточный гость стрелять в него не станет. Собственно, он ведь не дурак, чтобы палить из пистолета без глушителя. К тому же у Араба, как известно, другая тактика, другой метод, он редко пользуется обычным оружием, а пистолет в его руке просто для устрашения.

Все эти мысли, молнией пронесшиеся в голове, принесли небольшое успокоение.

– Ты стоял – молчал. Сел – молчишь. Может, ляжешь? – усмехнулся Лев.

– Я вам предлагаю работу. Не я, ну, в общем...

– Это я уже понял, еще в магазине. Ты что-то пролаял о понижении в должности. У тебя так много начальников? Двое, если я правильно разобрал?

– Двое.

– И сколько ты платишь за голову?

Николай выдержал мхатовскую паузу.

– Полмиллиона. – Еще пауза. – Долларов.

– Так-так, – протянул слегка огорошенный Радзянский, покачивая ногой в узком ботинке. Непроизвольно он обвел глазами убранство квартиры, на миг забыв, что перед ним не настоящий заказчик, а обыкновенная пешка. Он увидел стандартную стенку под орех, в углу комнаты пианино, довольно приличную мягкую мебель, обитую зеленоватым атласом, компьютер, аудио- и видеотехника лишь дополняла интерьер...

– Значит, полмиллиона? – переспросил Радзянский, опять же непроизвольно опуская прежние грозные интонации, тем самым ослабляя давление на хозяина и отдавая часть инициативы. Николай уловил в голосе Араба нотки заинтересованности. Если не дурак, должен согласиться.

Радзянский свято верил, что невыполнимых заданий не бывает. И дело вовсе не в количестве задействованных людей, а в качестве их работы. Убрать можно любого человека, кем бы он ни был, какой бы высокий пост ни занимал.

Сейчас речь шла о двух клиентах. Верить или нет – вопрос второй, ответ на него даст Руслан Хачиров, с которым Радзянскому, примет он предложение или нет, так и так встречаться. Его потревожили, как спящего медведя в разгар зимы, а взбешенный зверь, как известно, не довольствуется только дрыном, который ему сунули в бок, а пускается за тем, кто держал кол в руках.

«Пора отпускать вожжи», – решил Радзянский. Но не потому, что его заинтересовала сумма и он уже ослабил давление на хозяина квартиры и дал ему прийти в себя. Если бы Радзянский захотел, держал бы его в тисках ровно столько, сколько пожелал сам. Собственно, с этим человеком больше и говорить не о чем, не надо даже предупреждать о том, чтобы держал рот на замке. Пугало воочию убедился, что гость достанет его легко, не напрягаясь, и не помогут собаки, какой бы лютой породы они ни были.

– Теперь я хочу выяснить, – возобновил разговор Лев Платонович, – то малое, о чем ты мне поведал, правда или нет. Итак, на кого ты работаешь? Кто тот человек, который дал тебе мои координаты?

– А вас не устраивает вариант со мной?

– Не старайся выглядеть смелее, чем ты есть на самом деле, – заметил Лев, следя за реакцией хозяина. – Меня устраивает вариант с Русланом. Ну что ты смотришь на меня, как на икону? Я уже доказал, что не полный идиот, за которого вы с Русланом меня держите. Я всегда действую быстро и неожиданно. Так что, Коля, говорить я буду с Русланом Хачировым. Ты можешь предупредить его. Я не знаю, что вы затеяли, но шутки со мной плохи. При необходимости я уберу вас обоих, ясно? А сейчас собственноручно напиши мне адрес Руслана. Только знай: адрес мне известен. Равно как и телефон твоего компаньона: 50-11-62. Правильно? И еще: забудь меня, забудь, где я работаю. То же самое передай Руслану. Если я что-то решу, найду его сам. Меня не волнует, срочное у вас дело или нет.

– Вообще-то через неделю Руслан собирался в Москву.

– Через неделю?! Ну уж нет. – Араб убрал пистолет в пакет и встал со стула. – Пойдем, проводишь меня.

На выходе он притянул хозяина за рукав, приблизив лицо.

– Хорошенько подумай, прежде чем совершить очередную глупость.

Николай кивнул. Не выдержав взгляда, отвел глаза в сторону и чуть слышно произнес:

– Хорошо.

Может, он повел бы себя по-другому, не так испугался, будь перед ним ровесник, но он имел дело с человеком старше его чуть ли не вдвое. Николай вдруг осознал, что Араб невольно изменил его мировоззрение. Пугало словно заглянул в замочную скважину потаенной двери, за которой узрел совсем иных людей, людей другого поколения, «монстров», которые, по его убеждению, давно вымерли. Ан нет – он увидел одного из них, здравствующего, полного сил, плюющего с высоты своего Олимпа на него, Николая, на его внешность под крутого, на Хачирова Руслана, перед которым пресмыкается немало людей.

Нет, они не вымерли, они среди нас, но живут в другом измерении.

Сам того не замечая, Николай улыбнулся.

Радзянский тоже усмехнулся, заметив изменившееся настроение хозяина.

– Прощай, Пугало!

5

Гемлик, Краснодарский край

Начальник Гемликского ГОВД по своей натуре больше походил на главу хозяйственного отдела этого ведомства. Приезжая на работу, Вадим Поляков в первую очередь придирчиво глядел себе под ноги, определяя степень чистоты пола, покрытого линолеумом, – именно степень, поскольку взыскания, которые он накладывал на подчиненных, находились в прямой зависимости от их добросовестности. Обычно полы мыли задержанные, а зарплату и взыскания получали уборщицы и начальник хозотдела.

Сегодня степень чистоты была близка к загрязнению среднего уровня: на ступеньках, ведущих в здание управы, – песок; линолеум спокойных коричневых тонов покрыт разводами от половой тряпки; застекленная перегородка дежурки залапана.

Вадим Поляков – небольшого роста, худой лысеющий блондин сорока лет с вечно недовольным и желчным лицом – выслушал доклад дежурного и указал на перегородку:

– Ты хоть что-нибудь видишь через нее?

– Конечно, товарищ подполковник. – Дежурному капитану Кислицину в ситуации, когда начальник был одет в фирменную тенниску с широким рукавом и свободные светлые брюки, уместно было бы назвать его по имени-отчеству. Что он и сделал, добавив: – Недавно кто-то из ребят наследил, Вадим Николаевич.

– У нас в отделе столько ребят не наберется. Во всей картотеке не найдется столько отпечатков. Протри, – велел он, бросив взгляд на решетку временного изолятора, где томились две торговки спиртным, задержанные вчера вечером. Видимо, это они мыли пол.

Сразу же за «обезьянником» была лестница, ведущая в подвал, где располагались четыре камеры предварительного заключения. В одной из них, судя по докладу дежурного, сидели два молодых кавказца из соседней республики. Номер с мошенничеством в курортном городке, имеющем глаза и уши, у них не прошел – их взяли вчера вечером на автобусной станции и спустили в подвал управы. Как обычно в таких случаях, Поляков решил взглянуть на них, демонстрируя свою безграничную власть. Заезжих Вадим Николаевич особенно не любил.

Он спустился в подвал, слыша за собой шаги двух оперативников, которые в последнее время стали постоянными спутниками начальника милиции.

Олег Скачков – выше среднего роста, светловолосый, со следами похмелья на лице – с начальником был на «ты». Неделю назад ему исполнилось двадцать семь. На то, чтобы получить ко дню рождения третью звездочку на погоны, он особо не рассчитывал. И правильно делал: никто, кроме бывшей жены, работающей в управе следователем, и напарника Димы Валеева, его не поздравил. Хотя того же Диму отметили в честь его тридцатилетия коллективной поздравительной открыткой и сунули в руку погоны старшего лейтенанта.

Задержанные грузины стояли в дальнем углу камеры, когда открылась дверь, пропуская невзрачного человечка и двух дюжих парней.

Олег встал так, чтобы одной только позой подавить заезжих. Он остановился в центре камеры, расставил ноги, руки со сжатыми кулаками приподнял к поясу и набычился. Он смотрел только на одного, зная, что второй гастролер испытывает куда больший страх.

Поляков долго смотрел на грузин, как на живой товар, и был похож на рабовладельца. Подойдя ближе, попросил одного повернуть голову, за приметив на его щеке темное пятно.

– Что? – Заезжий даже приоткрыл рот от напряжения, поскольку действительно не понял, о чем его попросил этот человек.

Не оборачиваясь, Поляков кивнул Скачкову. Олег приблизился и нанес парню сокрушительный удар в печень. Тот резко опустился на пол, хватая ртом воздух.

Вопросы тут задавал только Поляков, поэтому Олег молча поставил грузина на ноги и уже не отходил от него, готовый продолжить работу.

– Я велел тебе повернуть голову. – Поляков покивал, разглядев на щеке парня родинку размером с виноградину. Родинка – лишь зацепка, повод к психологическому давлению. Трудно предположить, будто эти мошенники попались впервые, и Вадим дал знать, что знает их заочно. – Поедешь далеко и надолго, – пообещал он, – твое описание в разработке по десятку дел.

– Клянусь, командир!..

Скачков не дал ему договорить и, припечатав лицом к стене, пару раз приложился по почкам.

Полякову нравилось смотреть на работу Олега – удары короткие, сильные. Ему доставляло удовольствие видеть наполненные болью глаза жертвы, слышать хриплые стоны. Но терпеть не мог, когда либо его, либо оперативника умоляли больше не бить. Тогда Вадим молча, одним кивком головы отдавал приказ, и опера обрабатывали жертву до бессознательного состояния.

В лицо никогда не били – привычка, плюс ко всему, несмотря на жестокость, Поляков не выносил вида крови. Как и все жестокие люди, он был сентиментальным и только что не плакал, как крокодил, над своей жертвой.

Промокая лицо платком, начальник ГОВД вышел из подвала, негромко бросив через плечо:

– Олег, я велел тебе подобрать пару криминальных «обезьян» к приезду Араба. Сделал?

Скачков задания не выполнил. К тому же Поляков «велел» не только ему, но и Диме Валееву. Не мешало бы напомнить Вадиму его же слова. Дима не чешется, а ему больше всех надо, что ли? Что он, крайний, отдуваться и за себя, и за того парня?

У Олега была привычка: перечить, особенно начальству, по любому поводу. Не успокоится, пока последнее слово не окажется за ним. Наверное, именно по этой причине, а не от постоянных разгулов ушла от него жена. Хотя причина скорее всего именно в пьянке.

Стоя спиной к Полякову, Олег лениво спросил:

– А эти не подойдут?

– Ты, что ли, их задерживал?

По-прежнему не оборачиваясь, Олег представил себе узкую, уже начавшую багроветь мордочку шефа.

– Какая разница, Вадим, я или не я?

«Ну все, понеслось». – Диме Валееву в очередной раз выпало присутствовать при словесной перепалке между напарником и шефом. Валеев и Скачков были одного роста, но Дима выглядел хуже партнера. Всегда опрятный, с волнистыми волосами рыжеватого оттенка и мягкими чертами лица, с короткой бородкой-эспаньолкой, Валеев больше походил на бизнесмена средней руки, нежели на оперуполномоченного милиции. В отличие от Олега Дима был выдержан и всегда спокоен. Даже Скачков с его строптивым, неуживчивым характером едва ли мог вывести партнера из себя. И опять же в отличие – на сей раз от Вадима Полякова – Дмитрию, по большому счету, было все равно, в чью пользу окончится очередной спор, поскольку едва ли не все препирательства носили бессодержательный характер.

Однако сегодня Олег вполне справедливо мог перевалить часть вины на партнера. Дима уже привык исполнять обязанности личного водителя и охранника Полякова и заниматься поисками «криминальных обезьян» посчитал не своим делом. Скорее эта работа для Скачкова; особо не утруждаясь, тот мог забить до отказа и «обезьянник», и подвал целиком.

Перепалка между шефом и подчиненным закончилась на удивление быстро. С перекошенным лицом Поляков зашел к себе в кабинет и развалился за столом. Со дня на день в Гемлике ждали Араба. И большинство людей, задействованных в операции, кроме материальных

благ, получают моральное, эстетическое удовольствие от участия в ней. Но не все. Факт, что не все. Именно Олег вряд ли получит эстетическое удовольствие, последнее время вся его эстетика заключалась в пустом созерцании окружающего мира через стекло винной бутылки.

«Пора завязывать с ним», – решил Поляков. Решил в очередной раз, поскольку еще на прошлой неделе терпение его едва не лопнуло от очередной выходки Олега. «Завязывать» означало не просто уволить Скачкова – дело гораздо сложнее: Олег – не только охранник и оперативник, а еще и доверенное лицо. Как только закончится эта операция, с Олегом нужно кончать.

А пока он нужен. План планом, но все могло повернуться не так, как расписал словно по нотам человек, руководивший операцией. Она могла лопнуть в самом начале, тогда помощь Олега будет кстати: он неплохо соображает, прилично работает кулаками, хорошо стреляет и владеет ножом. Трудно будет найти ему замену.

А может, ограничиться одним только Валеевым? Нет, этот слишком вальяжный. На прошлой неделе приятели спускали труп в море, и, как выяснилось позже из подслушанного случайно разговора, Дима даже не помог Олегу перевалить тело через борт катера. Между ними вспыхнула ссора, едва не закончившаяся печально. Чей бы тогда труп составил компанию директору местной табачной фабрики – Олега или Димы? Трудно сказать.

А директора Ильяса Кирсанова ищут до сих пор. Только трое могли указать место, где, покачиваясь в горизонтальном положении, с камнем в ногах покоится его тело: Скачков, Валеев и сам Вадим Поляков. Последний – только приблизительно, в радиусе полутора миль.

А мог бы жить человек, продолжая воровать. Поляков не наехал бы на Кирсанова, если бы не узнал случайно, что табачная фабрика с недавнего времени стала получать из-за границы сырье по льготным ценам, стоящее копейки, затем – уже в виде готовой продукции – буквально вагонами толкать обратно. Прибыль получалась колоссальная, едва ли не под тысячу процентов. И вот из этих сумасшедших процентов Кирсанов пожалел какие-то пять-семь. Да еще пригрозил пожаловаться на Полякова человеку, выбившему льготные поставки, занимающему высокий пост аж в самом ГРУ!

Его можно понять, приехал из Калмыкии три года назад, кое-что понял сразу, но основной момент – кто, кроме мэра, хозяин в городе – упустил. А в результате сам вот опустился на дно. И пожаловаться не успел – ни в «Военторг», ни в ГРУ.

Поляков только недавно позавтракал, во рту еще ощущался пряный вкус имбиря, небо слегка пощипывало от жгучего перца, которыми были приправлены куски жареной свинины. Вадим никогда не обедал, жил по четкому расписанию: обильный завтрак и легкий ужин. Он остудил горло холодной минеральной водой, созвонился с Русланом Хачириковым и нехотя окунулся в повседневную рутину.

6

Москва

Лев Радзянский был почему-то уверен, что, несмотря на запрет, Николай снова захочет встретиться с ним. Наверняка он еще вчера, в крайнем случае сегодня утром, связался с Русланом Хачировым и получил от него соответствующие распоряжения. Сам Лев Платонович до сей поры ломал голову: каким образом, точнее через кого, вышел на него Хачиров? Единственный человек, который мог подкинуть Руслану его адресок, Борис Левин, как в воду канул. Так и не сумев связаться с ним по телефону, Лев поехал к Борису домой и долго звонил, пока не открылась дверь напротив. Соседка Левина сообщила, что Борис Михайлович сейчас находится в зарубежной поездке. Когда уехал? Вчера, в одиннадцатом часу. Куда – не докладывал.

Итак, от Левина в ближайшие дни он ничего не узнает. Однако заставлял задуматься тот факт, что Борис, в обнимку спящий с сотовым телефоном, не прихватил его с собой. Или отключил его?

Впрочем, не только Борис Левин мог поставить все точки над «i» в этом вопросе – он мог только подтвердить или опровергнуть, давал ли Хачирову координаты Араба. Гораздо большей информацией обладал сам Хачиров. Но ждать его неделю Араб не мог. Неделя – слишком большой срок.

Пугало действительно появился в магазине.

– Я же сказал, чтобы ты забыл сюда дорогу, – тихо проговорил Лев, отводя Николая в конец торгового зала.

Нынешний день был распланирован по минутам, к вечеру Радзянский собирался вылететь в Сочи на встречу с Русланом. Но сейчас, взглядевшись в лицо Николая, понял, что поездка может не состояться. И чем больше глядел на парня, тем больше убеждался, что против воли дает втянуть себя в какую-то авантюру, которая не сулит ничего хорошего. Такое с ним было впервые.

– Тебя Руслан прислал? – спросил Араб, как о хорошо знакомом человеке, невольно пытаясь представить себе образ Хачирова. В его представлении тот был высоким, крепким, лет тридцати, с неподвижным взглядом черных глаз. – Или ты пришел по собственной инициативе?

Николай кивнул:

– По собственной.

– Ты с ним вчера связывался? – Радзянский задал очередной вопрос и тут же досадливо поморщился: «Какая-то бессмыслица получается».

– Да.

– Мне постоянно задавать вопросы? – уже зло спросил хозяин магазина. Как и бывший шеф, Василий Ефимович Шерстнев, Лев предпочитал слышать обстоятельные ответы.

– Связывался, – поспешно отозвался гость, – он ничего не сказал.

– Так какого же черта ты приперся?! – Радзянский быстро взял себя в руки и после непродолжительной паузы, сменив тон, спросил: – Что он тебе сказал, когда ты звонил ему с телеграфа? Вчера, в начале шестого.

Николай просветлел лицом.

– Ах... так вот откуда... А я и не заметил.

– Ты вообще ничего не замечаешь вокруг себя.

– Лев Платонович, я вас хотел предупредить, что в ближайшие дни Руслан останется в Гемлике. Вам не стоит рассчитывать на встречу в Москве.

– Та-ак, – сощурился Радзянский, – интересно получается... Значит, у него свербит в одном месте, он засылает гонца, словно за бутылкой водки, и в то же время... – Лев, едва сдерживаясь, умолк.

«Чертовщина какая-то, – в очередной раз подумал он. – Сволочи, ведь наверняка знают, что я землю под ними вырою. Словно не я им, а они мне нужны как воздух».

Они – мне...

Лев нахмурился: такой оборот он в расчет не брал по той простой причине, что его просто не может быть.

«Интересная ситуация», – не без доли злости подумал Радзянский. И продолжил: «Тотчас позвонить Руслану и спросить: «Что ж ты, сукин сын, не торопишься? А давай-ка, друг, завтра же мы с тобой и встретимся. В Москве. Или там, где я укажу».

– Значит, он останется в Гемлике...

– Да, – кивнул Николай, – будет отдыхать в отеле.

– В каком именно?

– «Голубая лагуна».

Николай пришел вовремя: промедли он час-полтора – не застал бы Радзянского в магазине. В связи с этим снова кольнуло неприятное чувство, словно Хачиров предугадал заранее: что Радзянский будет следить за Николаем, «срисует» с экрана автомата его номер телефона, затем посетит несуразного посланника на дому...

А почему бы и не предугадать? Еще неизвестно, что за птица этот Руслан Хачиров.

– Пошли-ка ко мне в кабинет, – распорядился Радзянский, увлекая за собой гостя, – расскажешь мне все о Руслане: что он говорил обо мне, какие впечатления ты вынес из его рассказа при встрече со мной, вообще как я тебе показался...

В последних словах хозяина Николай уловил злую иронию.

– Вообще-то, – начал он с конца, следуя за Радзянским, – я представлял вас выше ростом.

– Я с детства боюсь высоты, поэтому воздержался расти. – Араб неожиданно остановился, и Пугало налетел на него. Разделяя слова, Лев произнес: – И больше не говори, что сегодняшний визит – твоя личная инициатива. Это Хачиров велел передать, что остается в Гемлике?

Не глядя на хозяина, Николай ответил утвердительно.

– Ну смотрите у меня!.. – угрожающе прошептал Араб. – Я вас обоих порву! И твой бультерьер позавидует моей хватке.

Глава 2

Место встречи – отель «Голубая лагуна»

7

Гемлик, отель «Голубая лагуна»

Вот уже вторые сутки Хачиров отдыхает на солнечном побережье, остановившись в 318-м номере люкс с видом на море. Конечно, лучше всего отдыхать на Черном море, когда в Москве, к примеру, осень – холодно, сыро, а здесь – 25 – 30 градусов, море – как парное молоко. Самый, пожалуй, волнующий момент – это контраст температур. Еще не забыт холод за время перелета, и вот на тебя обрушивается благотворное тепло; остро ощущается внутренняя стесненность перед смуглыми автохтонами, одетыми более чем легко. И долго еще не проходит это чувство, приходят мысли, что только море способно смыть эти несерьезные моменты смены климата.

Раньше в Москве Руслан бывал редко, но, когда открыли на Покровском бульваре постпредство Северной Осетии, стал посещать столицу чаще, а в лице постпредовского работника Николая Корзухина приобрел надежного помощника.

На море, в пяти километрах от Гемлика, Хачиров намеревался купить роскошный дом с единственным, пожалуй, неудобством – отсутствием пляжа под окнами. Купчая была готова, не хватало только подписи владельца, Михаила Левкоева, заместителя директора Югбизнесбанка. Дом еще не перешел в собственность Руслана, но с разрешения Левкоева осетин уже обосновался там на правах хозяина.

Подпись на договоре купли-продажи для обоих – пустая формальность, юридическую сторону в расчет также не брали. Собственность на Черноморском побережье по бросовой цене – это лишь небольшой презент, знак уважения, главное – это общее дело, которое связывало Левкоева и Хачирова.

Руслан расположился за столиком в открытом кафе. Запах йода с моря и благоухание, исходящее от розария, расположенного в непосредственной близости к кафе, вкус хорошего коньяка соответственно влияли на кавказца. Хачиров вытянул больные ноги и, слегка прикрыв глаза, томно смотрел на уходящее за гору красноватое солнце.

К этому времени поредевшие было купальщики вновь заполнили пляж; широкие мостки, с которых удобно было нырять, уже не пустовали.

Руслану Хачирову было сорок два года. Среднего роста, полный, с тяжелыми ногами, кудрявой, наполовину поседевшей головой и большими грустными глазами на круглом лице, он совсем не походил на образ, нарисованный воображением Араба. На нем были надеты свободные шорты, достигающие колен, и просторная светлая майка, темнеющая мокрыми пятнами в районе груди и подмышек.

Лев Радзьянский несколько минут изучал лицо кавказца из холла, где, посидев немного за стойкой бара с рюмкой коньяка, перешел за столик. Холл выглядел роскошно. Пол покрывали разные по размерам, но тщательно подогнанные плиты зеленоватого мрамора, две винтовые лестницы по бокам зала вели на этажи, огромная люстра тяжело нависала над одним из трех фонтанов, от которых исходила бодрящая прохлада.

Стеклянные двери холла то и дело распахивались, пропуская отдыхающих, официантов, снующих с напитками. Через большие окна Радзьянский хорошо видел Хачирова и его спутницу, красивую смуглолицую девушку лет восемнадцати, в откровенном, даже вызывающем

бикини. Потягивая красное вино, она изящным жестом подносила к чувственным губам сигарету и с видимым наслаждением затягивалась.

Она была очаровательна: среднего роста, прекрасно сложена, с идеальным изгибом бедер. Она сняла солнцезащитные очки, и Радзянский разглядел ее красивые миндалевидные глаза. Невольно он рассматривал ее гораздо дольше, нежели того, ради которого проделал далекий путь.

На Черном море Радзянский бывал десятки раз, однажды – в Гемлике, в отеле «Кровнбич». Поэтому он был удивлен сообщению Пугала – Николая Корзухина, что Хачиров облюбовал именно этот город. «Положительно, они знают обо мне довольно много». И этот факт Лев связал с той чередой нелогичных, казалось бы, событий, происшедших с ним за последние двое суток. Что это, совпадение? Но в работе оперативного работника Первого главка, равно как и думающего, настоящего профи, случайные совпадения могут означать только одно: опасность. Однако Лев чувствовал, что впереди опасность еще большая, предотвратить которую можно только активными действиями. Он который уже раз ловил себя на мысли, что им умело руководят.

По большому счету, не было почвы, реальных причин для беспокойства, но это-то и волновало больше всего. Хотя нет, реальная причина была: практически его раскрыли, как с улитки сняли раковину-домик. Достоянием третьих лиц стало его местопребывание, его имя. Только он мог знать, насколько это серьезно. Да еще вот этот толстяк с глазами недоеной коровы, потягивающий коньяк.

Лев отставил недопитый коньяк, галантно уступил дорогу двум полнеющим дамам балзаковского возраста, одетым более вызывающе, чем та молоденькая шлюшка, сидевшая в компании Хачирова, и вышел на воздух.

Он сунул в рот сигарету и, не прикуривая, шагнул к столику Руслана. Поймав краем глаза, что девушка смотрит на него, Радзянский, изучая лицо кавказца более внимательно, пренебрежительно бросил ей:

– Иди-ка погуляй, красотка. Я тебе говорю, – повысил он голос и медленно перевел взгляд на ее смазливое личико.

Радзянский выгодно отличался от ее спутника: невысокого роста, крепкого телосложения, без капли жира на мускулистом теле, посеребренная растительность на котором выглядела мужественно, естественно, по сравнению с безобразной порослью на груди и руках Руслана. Поймав утвердительный кивок спутника, девушка быстро встала из-за стола. Ее уход был столь поспешен, что по пути к бассейну с пресной водой она потеряла сланец – совсем как Золушка, сбежавшая от принца. Изящным жестом приподняв руки, девушка оттолкнулась от края бассейна, и ее стройное тело скрылось в подсвечиваемой из глубины зеленоватой воде.

Руслан подтянул под себя ноги и принял более приличествующую серьезному разговору позу. Щелкнув зажигалкой, он поднес ее к сигарете молчавшего гостя, севшего на место девушки.

– Чего ты хочешь от меня? – задал первый вопрос Радзянский.

– Лев Платонович? – довольно высоким голосом осведомился кавказец. Причем на лице его не промелькнуло и тени удивления.

«Ну-ну...» – усмехнулся Араб, не посчитав нужным ответить даже кивком головы.

– У меня к вам деловое предложение.

– Это я слышал от вашего помощника, – Араб смотрел за спину собеседника. Девушка подплыла к краю бассейна и делала заказ проходившему мимо официанту. Оторвав взгляд от спутницы Хачирова, Радзянский продолжил: – Никакого разговора не получится, пока я не услышу имени человека, который дал вам мои координаты.

Хачиров пожал плечами, выражение его лица говорило: «Нет проблем».

– Борис Левин, – назвал он имя.

«Ну вот, хоть что-то началось проясняться». Лев явственно ощутил падение с плеч груза безызначности, давившего на него на протяжении двух суток. Однако в таком состоянии он пребывал недолго, поскольку Борис, «младший» компаньон, практически предал его или продал.

– Почему здесь? – Радзянский несколько раз стукнул ладонью по столу. – Нельзя было встретиться в Москве?

– Если честно, выбирал не я, а вы. Был чисто теоретический шанс, что вы приедете. А здесь, в отеле, у меня несколько деловых встреч, отменить которые я не мог. Вступать в бестолковую перебранку было глупо. Лев Платонович не стал спрашивать, почему в таком случае Хачиров не повременил с направлением к нему «казачка» Пугала, – все выяснится при обсуждении деталей. Если, конечно, он примет предложение Хачирова.

– Я не могу сейчас сказать ни «да», ни «нет». Я отвечу, как только переговорю с Левиным, которого вы упомянули.

– Завтра он будет здесь, – сообщил Руслан.

– Вот как? – удивился Радзянский. Он не мог связаться с Борисом, а какой-то Хачиров, о котором до вчерашнего дня Лев ни разу не слышал, делал это запросто!

– Да, – подтвердил кавказец, – я говорил с ним по телефону.

– Кто был инициатором разговора?

– Я, конечно.

– И вы звонили ему... – Лев вопросительно приподнял подбородок.

– Сейчас он в Чехии – уехал на пару дней, просил передать, чтобы вы подождали его.

– Он был уверен, что я приеду?

– Не совсем так. Я связался с ним, как только мне сообщили, что человек по фамилии Радзянский зарегистрировался в этом отеле.

– Оперативно работаете, – едва ли не со злостью произнес Лев. – Какого характера работу вы мне предлагаете? Только в общих чертах. Может статься, что я уеду, не дождавшись Бориса.

– Наверное, вы один из немногих, кто сумеет справиться с ней.

– Не делайте мне комплиментов, я не девушка. – Лев снова посмотрел в сторону бассейна. Спутница Хачирова сидела на верхней ступеньке бассейна и смотрела в его сторону. Встретившись с Радзянским взглядом, она не отвернулась, а продолжала смотреть на Араба. Ему даже показалось, что она едва заметно улыбалась.

«Стерва!» – Он демонстративно развернул стул, чтобы оказаться к девушке вполоборота. Слушая Руслана, пришел к выводу: мысли о спутнице Хачирова отвлекают. Он снова обругал девушку: «Обыкновенная смазливая шлюха». Заодно выдал пару ласковых и себе.

Беседа с кавказцем окончилась практически ничем, как говорят политики: стороны выслушали друг друга, но к общему знаменателю не пришли.

– Пока я не переговорю с Борисом, – напомнил Радзянский, – думаю, встречаться нам не стоит.

– Тогда до завтра, – Хачиров изобразил на сдобном лице подобие улыбки и кивнул.

– До завтра.

Чтобы войти в отель, нужно было повернуться и сделать полтора десятка шагов к двери, однако Радзянский выбрал более длинный путь, медленным шагом пройдя мимо бассейна, где, опустив в воду ноги, девушка наслаждалась коктейлем и последними малиновыми лучами солнца. Не доходя до пустующей пока танцплощадки, Лев повернул и вошел в отель через центральный вход.

«Какого черта я делаю?» – задал он себе вопрос, решив, что сегодня не покинет номера. Возьмет в баре коньяк, хорошую закуску и проведет вечер перед телевизором, благо выбор программ был богатым: на крыше отеля матово отсвечивали две спутниковые антенны.

«Отличный отдых!» – еще раз «порадовался» за себя Радзянский. Приехать в разгар сезона на лучший курорт Черноморского побережья и запереться в номере с бутылкой.

8

Радзянскому не требовалось готовиться к встрече с Борисом Левиным, однако в уме он непроизвольно прокручивал предстоящую беседу. Начнет он ее непременно словами: «Боря, ты что, захотел стать моим клиентом?» И какие бы доводы в свое оправдание ни приводил Левин, продолжит натиск, напомнив арабскую поговорку: «Оправдание хуже вины».

Нервно прохаживаясь по номеру, Лев изредка бросал взгляд на часы, невольно поймав себя на мысли, что становится похожим на Пугало. Если рейс самолета не отложили по каким-нибудь причинам, в эти минуты борт должен приземлиться в аэропорту Сочи. Максимум через час Левин будет здесь. Если, конечно, воспользуется такси, а не поедет на троллейбусе.

«Болтун!» – скрипел зубами Радзянский, подавляя в себе желание перед встречей с приятелем принять на грудь коньяку. Лев не любил водку, предпочитая крепкому безвкусному напитку хороший коньяк или виски. Не жаловал он и вино, которое не обжигало приятно гортань, не хранило подолгу вкус горячего шоколада. Он умел пить помногу – и не пьянеть при этом, умел пить мало – и выглядеть при желании изрядно захмелевшим.

До встречи с Левиным времени оставалось достаточно, и Радзянский, прихватив полотенце, отправился на пляж. Задержав дыхание, он сильно оттолкнулся от края мостков. Лев плыл быстро, словно торпеда рассекая зеленоватую воду. Отдышавшись, медленно поплыл обратно, машинально бросая взгляды на балкон своего одноместного номера и люкса Руслана Хачирова. Ему показалось, что занавеска на окне Руслана пришла в движение, словно кто-то отпустил ткань, встретившись с ним взглядом. Однако с такого расстояния невозможно было проследить взгляд Радзянского. Если только за ним не наблюдали в бинокль.

Порой излишняя, как ему думалось, подозрительность мешала жить нормально, отчего сам себе он казался неполноценным.

Сполоснувшись в бассейне, Лев занял место в холле, изредка пригубив коньяк. Ему хорошо была видна парковочная площадка: Бориса Левина он увидит сразу, усадит рядом и... как он там запланировал? «Боря, ты что, захотел стать моим клиентом?»

* * *

Левин приехал не на такси, а на седьмой модели «Жигулей» бежевого цвета, видимо, решив сэкономить сущие копейки. Даже по одному этому факту можно было судить о его натуре.

Борис появился из машины, как всегда, элегантно одетый: модные вельветовые джинсы, стильные парусиновые туфли, светлая рубашка с коротким рукавом и галстук с ослабленным узлом. В одной руке Левин нес небольшую дорожную сумку, в другой – пачку «Мальборо», которую поднес ко рту, вытягивая губами сигарету.

Первым делом взгляд Бориса метнулся к стойке администратора, затем прошелся по немногочисленным клиентам, занявшим часть столиков, и остановился на хмуром лице Радзянского. Набросив на лицо смущенную улыбку напроказившего школьника, Левин не спеша приблизился и через стол протянул руку.

– Привет, Лева! – наивно улыбнувшись, добавил: – Это ты?

Радзянский не был тем человеком, который брезгует рукопожатием, даже если на то есть веское основание. Причина не подать руки Борису была, но он не знал ее корней.

– Здравствуй, Боря, – преувеличенно вежливо поздоровался Радзянский. – Это действительно я. Возьми себе чего-нибудь выпить. Когда я пью в одиночестве, мне кажется, что испытываю только жажду. И ничего, кроме жажды. Так что выручай меня, друг, разговор у нас предстоит долгий.

Не меня выражения лица, Левин быстро закивал:

– Может, поговорим в номере? У тебя. Ты в каком остановился?

Лев отрицательно покачал головой.

– Поговорим здесь.

– Как скажешь.

Оставив сумку на стуле, Борис вскоре вернулся с кружкой своего любимого баварского светлого.

Левина и Радзянского связывали давние дружеские отношения, которые со временем опустились до приятельских, но стали еще и деловыми. Вновь зарождающейся было дружбе помешало обсуждение долей в их совместном предприятии.

Как и Радзянскому, Левину после полугодовой стажировки в Дании и успешной сдачи экзаменов в МГИМО повстречались на пути два лысоватых дяди с военной выправкой и ненавязчивым предложением попробовать свои силы в главке Первого управления КГБ; как правило, тех, кто сам обращается в Комитет госбезопасности, в этот орган не зачисляют. Поскольку успеваемость в Институте международных отношений у Левина была выше, чем у Радзянского, его отправили работать в Европу, а не в Азию или в Латинскую Америку. На то, что он будет работать в одной из европейских стран, недвусмысленно указывала его стажировка в Дании, к тому же в отличие от Радзянского, специализирующегося на странах Ближнего Востока, Левин упорно изучал датский и финский языки.

Пройдя спецподготовку, Борис больше года ждал вакансии в посольстве СССР в Дании. Там он довольно быстро освоился среди посольских работников, завел дружбу с «чистыми» дипломатами, с оперативниками конкурирующего Главного разведывательного управления и, естественно, со своими коллегами из КГБ. Но первые шаги разведчика вылились в высказывание резидента: «Оперативно бездарно». Действительно, Левин, завязывая знакомство с местным журналистом, едва не скомпрометировал себя, продолжив вечеринку в одном из значимых мест Копенгагена. Получив выговор от шефа, Борис, однако, продолжал недоумевать: как можно заниматься разведывательной деятельностью не рискуя?

Позже поднатюривший опер Левин не спешил с рапортами резиденту и сумел расположить к себе шефа. Равно как и сотрудника полиции Копенгагена. Тот, на взгляд Левина, был готов к вербовке, и Боря завел с резидентом разговор о том, что пора, дескать, включать полицейского в агентурную сеть.

– Не торопись, Боря, – наставлял шеф, – продолжай работать с ним как с агентом. А в отчетах фиксируй лишь динамику развития агентурных отношений.

С подачи резидента Левин стал умело обходить бюрократические преграды Центра. Проводя вербовку в короткие сроки, не спешил с рапортом. Но необходимые данные получал. Успел усвоить, что долго тянуть с клиентом не стоит – не только советские разведчики работали в Дании, и кандидат мог попасть под влияние другой резидентуры. Что далеко ходить, его могли перехватить свои же опера из военной разведки – любители хватать каштаны из огня чужими руками. Военному атташату нужны были результаты так же, как и дипкорпусу КГБ, конкуренция начиналась буквально с вешалки.

Борис проработал в Дании три года, затем срок его пребывания продлили еще на год – к огорчению завистников посольства, которые считали его посредственным дипломатом и оперативником. Кто-то из коллег, подметив его натуру, дал ему меткое прозвище Скользкий Джим. Вначале показавшаяся оскорбительной, впоследствии эта кличка даже стала нравиться Левину; если кто-то подмечал в нем изворотливость, сам Борис назвал это хитростью.

Однако изворотливость, или хитрость, не помогла ему однажды избежать неприятности: в совершенно безобидной, казалось, ситуации он умудрился нарушить местное законодательство, и ему пришлось покинуть страну пребывания.

Это случилось в то время, когда Радзянский «жаловался» начальнику отдела Шерстневу на скучную работу разведчика. И Арабу, и Левину было о чем поплакаться друг другу. Встречаясь в Центре, они нашли общие интересы, а спустя годы, когда расформировали спецгруппу «Набат» и Лев остался без работы, они снова повстречались. Но оба уже стали другими, во всяком случае, Левин не узнавал своего приятеля, взгляд которого стал жестче, а его тонкий юмор огрубел.

Борис продолжил службу в органах госбезопасности, сменив отдел, и только в 1993 году принял предложение возглавить службу безопасности одного столичного банка, который существовал всего год. Левин почувствовал вкус к деньгам, в силовые органы возвращаться не помышлял. Около полутора лет он проработал в качестве начальника охраны в московской ювелирной фирме «Реставратор», затем ушел по причине собственной недалёковидности: ему казалось, что «Реставратор» – неперспективная фирма, что через год-два она погорит. Ему не хотелось покидать пепелища, поэтому он ушел загодя. В том опять же виделся элемент игры, но такова была натура Бориса Левина.

А насчет «Реставратора» он ошибся, в ювелирной фирме сменилось руководство, и она стала одной из самых престижных в Москве.

Природная изворотливость, внешность уважаемого человека, умение вести себя непринужденно позволили Борису завести множество знакомых среди бизнесменов, политиков, служителей музыки. Он не пропускал ни одной презентации, будь то открытие православного храма или ночного клуба, торжество по случаю выхода на экраны очередного киношедевра или премьеры спектакля; среди фрачников чувствовал себя как рыба в воде. Пусть он не имел к ним никакого отношения, зато удовлетворенно ухмылялся, слыша у себя за спиной: «Кто это?» – «Борис Левин», – веско звучал ответ непосвященному. Одним словом, в определенных кругах Борис Левин был загадкой, и каждый уверял каждого, что знает об этом человеке все, но в силу определенных причин... За многоточием следовала красноречивая пауза.

Он был женат ровно два месяца, хотя ухаживание за дочерью энергетического магната длилось неприлично долго, около полугода. Невеста приняла к жениху, он к ней, точнее, к ее папаше. До свадьбы Левин не предполагал, что его суженая склонна к нервным срывам, которые грозили перерасти в затяжные припадки. «Это надолго», – сказал себе Левин во время очередного пароксизма молодой жены и, не удосужившись стереть пену с ее губ, навсегда покинул красиво иллюминированный особняк. Тесть попытался вернуть Бориса в семью, но зять шарахнулся от него, словно его шибануло током. А жена говорила, что ПОДАРИТ ему ребенка, чем окончательно отпугнула от себя молодого беглеца.

9

Борис отхлебнул пива, смахнул с губ пену.

– Руслан здесь? – задал он неуместный вопрос, первым затрагивая серьезную тему, но давая собеседнику повод проявить большую инициативу. Дипломатией тут и не пахло.

– Зачем ты спрашиваешь? Ты лучше меня знаешь, что он здесь и что я говорил с ним. – Пора приступать к «домашней заготовке», с неудовольствием подумал Радзянский. – Боря, ты же не хочешь стать моим клиентом?

– Погоди угрожать мне? – Наклонив голову, Левин выставил вперед ладонь с зажженной сигаретой между пальцев. – Да, я совершил ошибку. А кто не ошибается? Правильно – тот, кто ничего не делает. Я торопился, Хачиров торопился. А то, что он разыграл целый спектакль, – это не моя вина. К тому же, Лева, ничего страшного не произошло. Горцы – они слово держат. Ну немного посетились, и так далее...

– Интересно, – Радзянский прищурился на собеседника, – ты говоришь так, будто речь идет о поставках мелкой партии отечественных портков.

– Пойми, у меня не было времени лично связаться с тобой. Руслан обратился ко мне с просьбой давно, я не давал ответа, обсасывая эту тему.

– Похоже, ты не тему обсасывал, а...

Левин скривился от солдафонского юмора приятеля.

– Договоримся так, Лева: я рассказываю все, а уж потом выслушаю твои комментарии.

– Ну-ну. – Радзянский сложил на груди руки и принял позу внимательного слушателя.

Левин махнул рукой на этот театральный жест и без энтузиазма продолжил:

– Пожалуй, я слишком долго... тянул с этим вопросом, к тому же я сомневался – примешь ты предложение или нет. Если помнишь, ты в категоричной форме заявил, что завязываешь с этой работой: завел рыбок, лягушек. Сколько мы не виделись с тех пор, год или около того? И сам я, если честно, подумывал завязать.

– Лучше б ты завязал.

– Погоди, мы же договорились, я как раз подошел к главному. Мне нужно срочно уезжать, а тут как раз Руслан приперся, начал давить: ты обещал, слова не держишь, ты не мужчина. Я психанул. «Надо? – спрашиваю. – Держи адрес человека». Вот и все. Если хочешь, я попался на эмоциях.

– Попадают только девушки. И то по вине партнера.

– По вине партнера, – повторил Левин. – Речь идет обо мне, да?

– Нет, это я про себя толкую! – вспыхнул Радзянский. – Это я попался, Боря! А ты пренебрег обычными правилами безопасности.

– Не пойму, чего ты завелся, Лева. Не хочешь, так и скажи Руслану. Твоя ошибка в том, что ты придаешь своей персоне преувеличенное значение, подумай над этим. – Левин откинулся на спинку стула и позволил себе строгости в голосе: – Возомнил о себе невесть что, возвел себя в ранг полубога... Подумай, подумай, сбрось с себя таинственность, стань самим собой. Ей-богу, однажды ты проснешься и не найдешь себя под маниакально-депрессивным психозом.

«А может, Боря прав, – внял совету Радзянский, – и я действительно преувеличиваю свою значимость? Пошлю-ка я к черту этого Руслана – в конце концов, ему я ничем не обязан, просто отказываюсь от предложения, которое мне невыгодно. Боря прав, надо смотреть на вещи трезво. Или по крайней мере с легким дурманом от хорошего коньяка. Подозрительность, подозрительность, будь она неладна, не дает думать трезво. Вокруг себя видишь не довольно посредственных, обычных людей, а сплошь профессионалов, науськанных на разоблачение. Так недолго тронуться умом».

Видя переменившееся настроение собеседника, Левин, допив пиво, спросил:

– Так что ты решил, Лева?

Араб пожал плечами:

– Ничего. Пользуясь случаем, отдохну пару дней – и назад.

– К рыбкам?

– К рыбкам.

– Руслан говорил тебе, сколько платит за работу?

– Говорил.

– И ты не завелся?

– А ты?

– Я завелся.

– Дурацкий у нас с тобой разговор получается.

– Лично я умнее этого разговора.

– Да, ты умнее. Ты очень умный. Оставайся, Боря, вместе развлечемся: коньячок, девочки, море.

– «Что еще нужно человеку, чтобы встретить старость?»

– Именно.

– Не знаю, не знаю, – в раздумье пробормотал Борис, побарабанив пальцами по столу. – Но на один день я точно останусь. Хотя я зол на тебя: оторвал меня от выгодного проекта.

– Я оторвал?! – удивлению Радзянского не было предела. Он подался вперед. – Я оторвал?!

– Не ты, конечно, я просто оговорился, – как ни в чем не бывало откликнулся Борис. – Я зол на тебя, а от выгодного проекта меня оторвал Руслан.

– Повтори еще раз, – усмехнулся Радзянский, принимая прежнюю позу.

– Я зол на тебя, а от выгодного проекта меня оторвал Руслан.

Настроение Левина резко изменилось. Он прихватил в баре бутылку пива, и они с Радзянским, поднимаясь по винтовой лестнице, продолжили беседу.

В длинном коридоре гостиницы стояли каменные вазы с цветами, на стенах висели картины местных, по всей видимости, маринистов, работающих под Айвазовского. Даже ящик с пожарным краном был художественно оформлен.

– Если хочешь, я сам поговорю с Русланом, скажу, что ты отказываешься.

– Ни к чему, все равно я нарисовался.

– Ты опять за свое? Нет, лучше езжай к своим рыбешкам. Кстати, рыбки-то тебя ни в чем не подозревают?

– Нет, не подозревают.

– А ты их?

Радзянский хлопнул товарища по спине: «Смейся, смейся».

– Ты бери пример с меня, – нравоучительно заявил Левин, – у меня в сто раз больше поводов к беспокойству, а я всегда остаюсь спокойным. Ведь это я налаживал контакты, работал практически на виду. Будь у меня твой характер, я бы давно кончил жизнь в дурильнике.

В чем-то Левин был прав, Араб задумывался над этим на протяжении тех лет, что работал с Борисом. Но не стал заострять вопрос именно сейчас, когда в их работе что-то разладилось, а предшествовало этому предложение Льва прекратить их деловые отношения.

Разладилось...

Пожалуй, самое легкое определение.

10

Ближе к вечеру, сидя в ресторане, Левин указал на двух симпатичных женщин лет тридцати, искусственно скупающих в поисках развлечений. Они сидели за столиком за бутылкой мадеры и бросали частые взгляды на друзей.

– Бери себе брюнетку, – разрешил Левин, оценивая подруг опытным взглядом, – а я уединюсь с сивенькой.

– Может, сначала подсядем к ним и познакомимся?

Борис энергично затряс головой.

– Нет уж, пусть лучше они к нам: неизвестно еще, на сколько «мани» они выпороли. – И пустился в воспоминания: – Однажды я «подсел» – в буквальном смысле слова. Страшно вспомнить, на какую сумму! Я еще спросил у официанта, какой он счет принес – ресторанный или корреспондентский. Нет, говорит, обычный. А хочешь, бери себе сивую. Хотя нет, она на меня смотрит. А черненькая на тебя глаз положила. Смотри, смотри, как она поглядывает!

– Да она просто косая! А на самом деле смотрит на подругу.

– Думаешь? – Левин прищурился. – Отсюда мне плохо видно.

– Уверен. Даже знаю, что косоглазие у нее не от природы.

– А от чего?

– От подтяжки – косметолог перестарался.

– Ты так много знаешь о ней... Как ее зовут?

– Иди к черту!

– Так я приглашаю их?

– Зачем?

– Ты это просто так спросил?.. Зачем, к примеру, встречаются кот и кошка? Не для того же, чтобы обменяться блохами! Вот так и люди, – философски закончил Левин.

– Ладно, давай повременим с паразитами, – предложил Радзянский, – и вернемся к нашим баранам. Ты в курсе деталей дела Хачирова?

– Разумеется. Изложить?

Лев не мог сдержать ухмылки.

– Ну изложи.

– Ладно. – Борис послал продолжительный взгляд на женщин, вкладывая в него определенное значение: «Это ненадолго». Его взгляд остался непонятен даже для Радзянского. А дамы, переглянувшись, продолжили потягивать мадеру. – Начну с того, что Хачиров – глава «теневого совета» политического движения «Свободный Кавказ», родом он из Северной Осетии. Чтобы было понятно сразу, свяжу его с двумя людьми: это Эмиль Кургаев, чеченец по национальности, он же банкир Югбизнесбанка, и его заместитель Михаил Левкоев. Эти трое, включая Хачирова, – одна сторона, вторую представляют двое русских, собственно клиенты, за которых «просит» Руслан: Игорь Белокуров и Сергей Иванов. О них немного позже, а сейчас о том, что связывает движение «Свободный Кавказ» и Югбизнесбанк.

– Насколько правильно я разобрался, это финансирование.

– Основное финансирование, – поправил собеседника Левин. – В свое время Югбизнесбанку выделили облигации внутреннего займа. Банкиры знают свое дело, и вот в результате мудреных операций по обмену облигаций одного транша на другой получилась солидная разница, которая должна была идти на определенные нужды «Свободного Кавказа». Тут свою роль сыграл и «теневику» Хачиров. На избирательную кампанию «Свободного Кавказа» было потрачено порядка пятидесяти миллионов долларов, а за границу ушло в пять раз больше. Схема простая: через подставных лиц, чьи счета были открыты в офшорных зонах. Теперь вернемся к русским. Белокуров – один из этих подставных, одно время он сотрудничал с Югбизнесбан-

ком, по просьбе Кургаева и Левкоева организовал десяток различных фирм, на счета которых перегонялись крупные суммы.

– Команды о переводе и обналичивании поступали от Кургаева, главы банка?

– Конечно, от него. А когда деловые отношения между Белокуровым и Югбизнесбанком закончились, Белокуров за очень крупную сумму передал все документы, подтверждающие финансовые трансферты, Сергею Иванову, с которым он поддерживал тесные деловые отношения. Забегая вперед, скажу, что Югбизнесбанку выгодно было видеть эти документы в виде пепла. Эмиль Кургаев лично пригрозил Белокурову, что тот может исчезнуть, если не вернет бумаги, которые позволяли Кургаеву похоронить множество финансовых операций. Но вот где они, у кого эти ценные документы?.. Иванов не спешил с признанием, а Белокуров ударился в бег. Сделал это достаточно поздно – тут уже Кургаев и иже с ним прошляпили. Руслан говорит, что Белокуров находится в Каире.

– Кто занимался его поисками?

– Какая-то частная сысковая контора. Причем назвали они только страну и город.

– Может, выжимают?

– Вряд ли. Хачиров не жадный человек. Потому в лице Югбизнесбанка он и платит такие большие деньги, чтобы устранить свидетеля. И не только свидетеля. Перед тем как исчезнуть, на прощание Белокуров накатал в прокуратуру «телегу», в которой говорилось, что с его счета в Югбизнесбанке были похищены полтора миллиона долларов. Заодно насолил Иванову, сообщив факсом в Югбизнесбанк, кому именно он продал бумаги.

– Грязный тип.

– Не то слово, Лева. Но это не наше дело. На чем я остановился?

– На прокуратуре и Иванове.

– Ага, так вот, прокуратура заинтересовалась фактом пропажи со счета денег, для дачи показаний были вызваны Кургаев и Левкоев. Но ни тот, ни другой в прокуратуру не явились. Тогда на их квартирах и дачах были устроены обыски, но ничего не нашли. Исчезновение бумаг и бегство Белокурова Кургаев и компания частично компенсировали сфабрикованными документами, используя чистые бланки и печати фирм. Для прокуратуры поиск доказательств финансовых махинаций в Югбизнесбанке очень сложен, к тому же мешает позиция правоохранительных органов тех стран, куда переводились деньги от продажи облигаций.

– А связь Хачирова и Кургаева, на чем она основана, только ли на финансах?

– И тот и другой занимают в движении «Свободный Кавказ» довольно высокие посты. Хачиров, как я уже говорил, «теневик», считай, заведует финансами. А Кургаев – один из лидеров партии. Но ты прав, скорее больше всего их связывают именно финансы: нечестная игра, когда за рубежом оседают... деньги партии, – Левин рассмеялся собственному каламбуру. – Похоже, все.

– Ты не рассказал про Иванова.

– Ах да, совсем забыл. Короче, старик, этот Кургаев чуть ли не публично пригрозил, что Иванову не жить, если тот не вернет документы. Тот воспользовался фактом наезда и сделал заявление, что «в случае моей смерти прошу винить такого-то». Так что главная фигура – Иванов, а не Белокуров, который, правда, еще долго будет тявкать из-за границы. Главное – документы.

– Я не сыщик, искать ничего не стану. Если я приму предложение Руслана, то только относительно этого Белокурова.

– Как скажешь. А вообще я предполагал, что ты откажешься от Иванова как от клиента. Ведь его нужно не только «усыпить» на веки вечные, но и достать документы. Для тебя, да и для всех проще, если Иванов хранит бумаги дома. Если в сейфовой ячейке в банке, то, с одной стороны, дело усложняется, с другой – наоборот. В этом случае тебе не придется возиться с бумагами, просто передать Руслану карточку на право пользования индивидуальным сейфом

и ключи – их может быть два, по желанию клиент может запереть пенал на дополнительный замок. А дальше это их дело. Только гарантии должны быть стопроцентными.

– Ты говоришь так, словно я уже дал согласие.

– Я не говорю именно так, я просто говорю. Дай мне закончить. На чем я остановился?

– По-моему, ты не останавливался.

Левин махнул рукой и продолжил:

– Я интересовался этим типом, Ивановым, сейчас, навскидку, могу сказать, сколько денег он тратит на собственную безопасность. Так, в человеко-часах это выходит... порядка ста долларов. А караулят его круглые сутки, провожают на работу и с работы, дежурят возле подъезда, если он дома, и буквально держат оборону, когда он ночует на загородной вилле. День на день не приходится, но в среднем он тратит до двух тысяч долларов ежедневно, – многозначительно закончил Левин и без перехода сказал: – А что насчет слабого пола, пригласить?

– Если только ты закончил.

Радзянского не обескуражила сумма, названная Борисом, некоторые бизнесмены за свою безопасность платят на порядок больше. «Усыпить» этого Иванова можно, но вот доискиваться, где он хранит компрометирующий материал на Югбизнесбанк, – это лишняя работа и дополнительная головная боль. Смерть Иванова, понятно, должна быть естественной, поскольку угрозы в его адрес недвусмысленно указывали на первых лиц Югбизнесбанка. Им и так испортили нервы обысками, а в связи с убийством Иванова правоохранительные органы не дадут им житья. И как знать, возможно, найдут, за что зацепиться.

Радзянского не насторожил объем информации, который буквально вылил на него Борис Левин. Дело достаточно тонкое, чтобы справиться с ним, нужно, во-первых, разобраться в деталях, поскольку в случае с нежелательным свидетелем Белокуровым вначале придется найти его; а порой и небольшая, казалось бы, незначительная деталь помогает в поисках. Важно знать мотивы, средства, которыми располагает или может располагать разыскиваемый, и так далее (по словам Левина, Иванов за документы заплатил Белокурову все те же полтора миллиона долларов, собственно, ущерб, нанесенный Белокурову Югбизнесбанком).

Что касается Иванова... Руслан и о нем дал достаточно обширную информацию, надеюсь, наверное, что его предложение примут пакетом.

«Нет, – еще раз подумал Радзянский, – если я и соглашусь, то только на вариант с Белокуровым. В Каире, если он действительно там, его убрать проще, чем в Москве».

Пока он размышлял, Левин взял инициативу на себя и, не присаживаясь к дамам, жестикулировал в сторону оставшегося за столом приятеля.

– Я же говорил! – вернувшись, он кивнул на официанта. – Смотри, Лева, сколько они ему отлестывают! Сидят тут, наверное, с утра.

Расплатившись, дамы, о чем-то доверительно перешептываясь, напустив на себя таинственность, сели на предложенные места.

Левин, ничуть не смущаясь, тут же представился ректором МГУ, а Радзянского отрекомендовал как директора холдинга «Медиа-мост» Владимира Гусинского, причем называл его Левой. Дамам было весело.

– Если серьезно, – продолжил Борис, «съезжая с «Моста», – то вот Лева, к примеру, торгует живой рыбой, а я хожу у него в помощниках. А где работаете вы, наше новое приключение?

От «торговцев живым товаром» исходил терпкий аромат дорогого одеколona, на уверенных лицах играли чуть снисходительные улыбки, во всяком случае, они таинственностью отвечали на таинственность. Болтали долго, Левин пил пиво и часто бегал в туалет. Возвращаясь, говорил: «Ну-с, на чем мы остановились?»

А Радзянский вот уже на протяжении получаса бросал взгляды на столик возле эстрады, где в одиночестве устроилась спутница Руслана Хачирова. Лев узнал ее сразу, она прошла мимо, обдав его природной свежестью и утонченным запахом духов. Ее волосы были слегка

влажными, на лице едва заметно лежал макияж, а в ушах посверкивали изящные серьги с цирконом.

Одна из дам проследила за его взглядом, с превосходством оглядела молодую особу и как бы невзначай коснулась под столом коленом ноги Радзянского. Когда в зале зазвучала медленная музыка, она потянула Льва за руку:

– Потанцуем?

Обнимая партнершу за талию и покачиваясь в такт музыке, Радзянский, когда оказывался лицом к девушке, продолжал разглядывать ее, подметив, что она отказала вначале одному парню, пригласившему ее потанцевать, затем другому. Последний оказался более настойчив и сделал попытку присесть за ее столик, но девушка что-то сказала ему, и он ушел. Музыка звучала довольно громко, по артикуляции и нахмуренным бровям девицы Лев с большей долей вероятности перевел ее отказ: «Я же сказала, что нет. Оставьте меня в покое!»

Он так сосредоточился на девушке, что не разобрал слов новой знакомой.

– Простите, я не расслышал.

– Я говорю, что вы не туда смотрите. – Она теснее прильнула к нему, и Лев почувствовал жар ее груди и бедер.

Он слегка отстранился.

– Боюсь, мне придется прикрываться вами, когда закончится танец.

Она поняла его, и самодовольная улыбка не сходила с ее лица, пока не кончилась музыка.

Потом ее бесцеремонный взгляд скользнул на шорты Радзянского.

– Все в порядке?

– Боюсь, мой ответ разочарует вас.

Развязность этой женщины все больше не нравилась Льву, хотя на что еще можно рассчитывать? Невольно реабилитируя ее в своих глазах, мысленно он поправился: раскованность. Ему не нравилась ее чрезмерная раскованность. Она симпатична, но не та, с кем Лев с удовольствием провел бы ночь. И дело не в том, что Борис поторопился; то ли душа не лежала (хотя при чем тут душа, когда речь практически идет о теле), то ли виной всему эта девушка, на которую помимо воли все чаще бросал взгляды Радзянский. Сравнивал ли он ее со своей соседкой, которая продолжила отвлекать его от юной особы прикосновениями под столом? Наверное, да, потому что ему хотелось наступить на ногу женщине, сделав ей больно.

Вечер был испорчен. Вероятно, окончательно, поскольку спутница покинула Радзянского спустя пять минут после того, как Левин увел свою сивую в номер, предоставив право расплачиваться своему приятелю. Что Лев и сделал, облегчив свой кошелек на девять сотен. Он пересилил в себе желание обернуться на девушку и вышел из ресторана в дверь, ведущую на пляж. Араб спустился к морю и пошел вдоль прибоя.

Глава 3

«Старик» и золотая рыбка

11

За собой Радзянский услышал торопливые шаги босых ног, шаги легкие и могли принадлежать либо подростку, либо...

Лев обернулся и увидел догоняющую его девушку, с которой он не сводил глаз в течение всего вечера.

Она улыбалась, с откровенной непринужденностью глядя ему в глаза. И девушка, и Радзянский были примерно одинакового роста, но рядом с мускулистым мужчиной она выглядела хрупкой и оттого казалась ниже.

– Привет! – беспечно поздоровалась она, протягивая узкую ладонь. – Знаете, а я на вас не обиделась. Меня зовут Лена.

Чуть поколебавшись, Радзянский пожал ей руку.

– Тезки, – сообщил он, не посчитав нужным назвать свое имя, равно как и любое другое.

Девушка звонко рассмеялась:

– Не хотите говорить, не надо. Вообще-то отец хотел ехать в Гемлик один, я сама навязалась ему в компанию. Он немного мрачноват, правда? Ему все время кажется, что он должен опекать меня, особенно когда я рядом и в этом нет необходимости. Ревнует к каждому молодому человеку, бросившему на меня взгляд.

«Отец? – Радзянский и не пытался скрыть удивление. – Она дочь Руслана Хачирова?!»

– Не хотите искупаться? – предложила девушка.

Он покачал головой.

– А знаете как здорово купаться в свете луны!

И в этом восклицании Лев почувствовал настойчивость новой знакомой.

Ее раскованность в общении подействовала на Льва соответствующим образом, и он впервые за последние несколько лет почувствовал себя неловко. Незнакомка стремительно превратилась из обычной шлюхи, которых здесь больше, чем гальки на пляже, в кроткую, несмотря на раскованность, девушку, дочь Руслана Хачирова.

У Льва никогда не было проблем с женским полом, в юности он звучно, чуть нараспев представлялся: «Ле-ев». Нет, имя его не действовало на женщин сногшибательно, но подчеркивало его внешность и словно служило надписью к монументальному образу: сильный, оттого чуточку ленивый; властный, оттого в меру уступчивый, что всегда нравилось женщинам.

И вот годы как-то стремительно вынесли его на этот пляж, поставили рядом с красивой девушкой, и он впервые стеснялся назвать свое имя.

Лев...

Радзянскому казалось, что его имя вызовет у Елены улыбку или смех: Лев, наполовину седой, угрюмый, еще более властный, растерявший за годы уступчивость, стареющий царь...

«Хорошо бы, – подумал он, – чтобы дочь Руслана провалилась ко всем чертям». Одно дело разглядывать ее издали, позволив себе чуточку пофантазировать, другое – мучиться рядом. «Провалиться бы ей...» Но в глубине души не желал этого. Ему было приятно идти с ней рука об руку, слушать ее красивый грудной голос, граничащий с контральто; удивительно, но голоса отца и дочери почти не различались по высоте и тембру.

Наконец он нашелся что сказать, помня долгое вступление Елены.

– Отец ревнует вас только к людям молодым? – акцентировал он последнее слово.

Лена отстала от спутника, дождалась, когда он остановится и обернется, и наполовину игривым, наполовину оценивающим взглядом демонстративно окинула его с ног до головы. С ее лица не сходила улыбка, которую в другое время Радзянский назвал бы многообещающей.

«Или старею, или впадаю в детство», – заметил он и неожиданно рассмеялся, удивляясь собственной неуклюжести. Так, что она там спрашивала? Как вас зовут? Сейчас ни с того ни с сего он бросит в ночь и набегающие на пляж волны: «Лев! – это мое ПОЛНОЕ имя». И добавит уже совершеннейшую глупость: «Краткость – сестра таланта». Потом наплетет всякой чепухи о своем отце-еврее Платоне, сознается, что по возрасту все-таки он – Лев Платонович, но Лена, если хочет, может называть его и царственно и божественно одновременно: Лев Плутонovich. Затем разоткровенничается и сообщит, что рядом с ней он ощущает себя совсем уж молодым, по существу, признается в...

– Над чем вы смеетесь? – Она по-детски нетерпеливо заглядывала ему в глаза.

Лев почему-то решил, что у нее академическое образование, во всяком случае, беря в расчет ее возраст, начальное академическое, – другая бы спросила иначе: «Че вы смеетесь один?»

– Не надо мной? – допытывалась она.

«Иди-ка погуляй, красотка. Я тебе говорю».

Черт, действительно неловко получилось.

– Честно говоря, смеюсь над собой.

– Мне кажется, у вас не должно быть повода смеяться над собой.

«Комплимент?.. А как насчет того, чтобы измерить размах моих ангельских крыльев?»

– Вам никто не говорил, что вы похожи на Стэйси Кича?

– Кто это?

– Ну как же! Американский актер, играет Майка Хаммера, сыщика. Ну, вспомнили?

Майк Хаммер.

– Кажется, припоминаю – неопрятный и туповатый, самонадеянный филер.

– Ну зачем вы так... Он очень обаятельный.

«Извини, дорогая, что-то у меня зачесалось правое крыло».

Они прошли весь пляж до конца и повернули в кромешной тьме, которую нарушали лишь проблески встававшей луны, отражавшиеся в гребешках волн. Протянувшаяся слева от них каменистая гряда бесконечной мрачнейшей стеной тонула в ночном небе. А там, где горели огни отеля, звучала музыка.

У Льва Радзянского, как и у любого творческого человека, не было четкого расписания: с такого-то времени до такого занимаюсь творчеством, потом отдыхаю, – этот процесс происходит постоянно: и во время кажущегося отдыха, и во время еды, и даже, казалось бы, за посторонним делом. Сейчас Лев твердо решил, что принимает предложение Руслана; идя рядом с девушкой, он был и с ней, и где-то далеко, а в голове рождался план, всплывали имена людей, которые могли быть ему полезны в этом деле. Не сама девушка повлияла на решение Араба – скорее то настроение, та череда чувств, в которые он вдруг окунулся с головой. Он знал цену настроению. Приехал он сюда с нехорошими, тревожными предчувствиями и в скверном расположении духа, а уехать может...

Она впервые коснулась его руки, не считая ничего не значащего рукопожатия, коснулась чуть повыше локтя, слегка сжимая его руку.

– Ресторан еще не закрыт. – И вопросительно замолчала.

Радзянский так же молча простер руку в направлении светящихся окон отеля:

– Тогда я приглашаю.

Войдя в зал, он обшарил глазами каждый столик, с неудовольствием думая о том, что в ресторане мог находиться бдительный и ревнивый Руслан, единственный, наверное, человек, способный испортить сейчас настроение Радзянскому. Само собой вылетело:

– Вы с отцом в разных номерах живете?

– Мне восемнадцать! – воскликнула Лена. – Я уже взрослая девушка. Я заметила, что вы упорно не хотите называть меня по имени. На это есть причина?

«Нет, положительно, у нее хорошее воспитание», – еще раз убедился Радзянский, вслушиваясь в складную, непринужденную речь спутницы. Отчего-то он засомневался, что такое воспитание ей мог дать отец, который, на взгляд Араба, был малость пеньковатым, по-кавказски прямолинейным. В нем не чувствовалось того же кавказского гостеприимства; Радзянский был уверен, что, окажись он гостем Руслана, не получил бы привычного тепла, каким обычно горцы, в отличие от русских, встречают пусть даже незваного гостя.

– Да, – несколько запоздало, отвлекшись, ответил он на вопрос Лены, – это оттого, что сам я так и не представился.

«Заело, – незаметно скривился он. – Вот уж действительно заклинило!»

– Лев. – Он помедлил: протянуть руку или нет?

Лена выручила, сама вложила ему в руку ладонь-лодочку и послала красноречивый взгляд: «Даже так?»

Он остался доволен ее немой репликой и приготовился сделать заказ официанту, который уже кружил вокруг, как хищная птица, завидев легкую добычу.

Ресторан, как это принято говорить, работал до последнего посетителя, единственно, живую музыку оркестра сменил негромкий шелест магнитофонных колонок. Совершенно машинально Радзянский выбрал тот столик, под которым его ноге не давали покоя прикосновения женщины, словно надеялся увидеть Лену на своем недавнем месте. Но она сидела рядом; то, о чем он мечтал всего час назад, удивительным образом сбылось.

На девушке была короткая светлая майка, вырисовывающая ее грудь, легкая плиссированная юбка-«амазонка». Перед входом в ресторан Елена надела сланцы, которые во время недолгой прогулки несла в руках, иногда по колено заходя в воду; накатывавшие волны достигали ее бедер, и девушка поднимала и без того короткую юбку. Радзянский видел Лену и в более откровенном облачении, когда грубо попросил ее погулять, но ее игры с волнами, да и с ним тоже – он же не слепой – были по-настоящему волнующими, он угадывал то, что скрывалось от его взора.

Пришел официант, поставив на стол вино и нарзан, гранаты и гроздь винограда, переваливаясь через край, находились в вазе в середине столика. Гарсон стандартно, но, как показалось Радзянскому, с угодливостью пожелал клиентам хорошего вечера.

Лев пил молдавское «Каберне», которое заказала Лена и которое он не любил, разбавляя вино нарзаном; ответил улыбкой на загадочный взгляд спутницы и проводил ее взглядом: встав на цыпочки, она изящно перегнулась через стойку бара, о чем-то переговорила с барменом, указывая на музыкальный центр. Смолкла музыка, но тут же зазвучала другая, песня молодости Араба – Валерий Ободзинский пел «Эти глаза напротив».

Елена отошла от стойки и поджидала его в центре зала. Радзянскому стало неловко, ему казалось, что вся немногочисленная публика смотрит на него, идущего к девушке скованной походкой.

Сегодня он уже танцевал, только с другой и под другую музыку. Сейчас все разом переменялось: с ним та, которую он хотел видеть рядом; а сама песня швырнула его на много лет назад, поднимая со дна его заскоруждой души давно забытые чувства ностальгии по навсегда утраченному времени.

Ее рука лежала на его плече, другой она касалась его груди. Глаза Лены смотрели в сторону и вниз; и только изредка она поднимала их, чтобы Радзянский мог увидеть, как неповторимо они светятся.

Лена проживала в одноместном номере с окнами на море. То, что он не соседствовал с люксом Руслана, неприлично и, пожалуй, преждевременно обрадовало Радзянского. Или, во

всяком случае, обнадежило. Поначалу он не обратил внимания на пытливый взгляд портье, прощаясь с девушкой у двери ее комнаты. Что-то далекое, казалось, безвозвратно потерянное шевельнулось в груди Льва. Что это было – неловкость, нерешительность, смешавшиеся с полной надежд неоконченной фразой: «А вдруг?..»

Он чувствовал, что поступает глупо, стоя рядом с дочерью Руслана Хачирова у приоткрытой двери комнаты – как на границе, которую можно пересечь, только нарушив правила игры. Нужно немедленно возвращаться к себе или бежать к морю, чтобы охладить тело и выгнать мысли о близости с этой девушкой.

Пауза затягивалась все больше и больше. Наконец Радзянский осознал, что они не одни в длинном, с включенным дежурным светом, оттого похожим на тоннель коридоре, что на них смотрят насмешливые глаза ночного портье, лет тридцати, выдавшей виды женщины.

– Завтра встретимся? – вдруг предложила девушка. – Вы еще не уезжаете?

– Нет, – поспешно ответил Радзянский, едва не закашлявшись.

– Тогда до завтра. – Она с очень близкого расстояния помахала ему рукой. И еще раз, когда закрывала за собой дверь.

«Ты еще постой здесь!» – обругал себя Радзянский, продолжая смотреть на дверь.

Он ожег ненавидящим взглядом администраторшу, которая посылала ему то ли сочувствующие, то ли издевательские взгляды, не разберешь. Эта красивая женщина, мимо которой прошел Радзянский, показалась ему чем-то вроде козжаменителя, ибо было с чем сравнивать.

* * *

Закрыв дверь и не зажигая свет, Лена прошла к окну и распахнула шторы, любуясь лунной и светящейся дорожкой, протянувшейся до самого побережья. Она переливалась и находилась в постоянном движении, тогда как остальная часть моря, тонувшая во мраке, казалась недвижимой. Складывалось впечатление, что лунные лучи заставляли кипеть воду и проникали до самого дна; что, окажись сейчас в этой беспокойной полоске, можно разглядеть потревоженных светом медуз, тени глубинных рыб, метнувшихся обратно в темноту, щупальца потянувшихся к свету водорослей. Улыбнувшись, Лена прихватила из шкафа полотенце и спустилась к морю. Миновав мостки, она отошла довольно далеко от отеля, где сбросила с себя всю одежду и не спеша, наслаждаясь упругостью воды, стала удаляться от берега. Когда вода дошла до груди, девушка чуть оттолкнулась и перевернулась на спину, чтобы видеть нависший над ней серебряный диск луны.

Она думала о своем новом знакомом. Первые впечатления самые благоприятные: мужественный, по-своему красив и... робок. Сам не решился подойти к ней и в то же время не надеялся, даже не представлял, гуляя по побережью, что его одиночество может нарушить та, на которую он бросал частые взгляды.

Здесь мысли Лены стали уходить в сторону и вскоре не имели ничего общего ни с Львом, ни с сегодняшним вечером.

Однако, возвращаясь в отель, ей снова вспомнился этот пятидесятилетний мужчина. Оттого, что он пятидесятилетний, и мысли были соответствующими, поскольку девушка подумала о том, что вот так робко и в то же время раскованно, с чувством собственного достоинства за ней еще никто не ухаживал.

Ухаживал – это про него, Льва Радзянского, про других, ее ровесников или молодых людей чуть постарше, можно сказать: приударял, клеился, снимал. Про них также нельзя сказать «волочился», а про Льва можно. Потому что он... человек другого поколения.

Интересно так вот рассуждать, но быстро надоедает.

А еще интересно наблюдать за Львом, за его реакцией. Просто наблюдать, стараясь не делать никаких выводов.

«Завтра встретимся?»

«Нет».

Девушка нахмурилась, вспомнив долгое немое прощание у двери ее комнаты. Почему он сказал «нет»? Он же сказал «нет», она точно помнила. Тут же в мыслях всплыл второй вопрос, о котором она позабыла: «Вы еще не уезжаете?» – «Нет».

Все встало на свои места: он не уезжает, и они снова встретятся. На пляже. Когда стемнеет. Когда он, не дождавшись ее в ресторане или в холле гостиницы, выйдет, как и сегодня, на пустынное побережье. А она догонит его и окликнет по имени: «Лев!» Нет, не так, это будет похоже на крик или предупреждение:

«Стой!

Там, где стоишь!

Не двигайся!

А то хуже будет!»

Будет хуже. Ему точно будет хуже.

Плывать! Пока плывать. Да и потом тоже.

Она сполоснулась под душем, надела легкую удобную пижаму – подарок матери – и вышла на балкон.

Ее действия и Льва Радзянского почти совпали: оба, только с разницей в час с небольшим, смотрели в одну и ту же сторону – на искрящуюся лунную дорожку, вклинившуюся в море. Только думы у них были абсолютно противоположными: Радзянский посылал на свою голову проклятия, а девушка помнила лишь слова «благословения».

12

Лицо официанта, с готовностью взявшегося обслужить клиентов, словно избородило желание угодить, он едва не расшаркался, подходя к столику. Радзянский задал девушке вопрос, который со вчерашнего вечера вертелся у него на языке:

– Похоже, вас здесь хорошо знают? – Он перевел взгляд с ухоженного подавальщика, вихляющей походкой лавировавшего между столиками, на Лену. На ней, как и вчера, была майка в обтяжку и такая же юбка-«амазонка», только другого цвета: светлая, ближе к кремовому. Радзянский подумал, что Лена, должно быть, неплохо играет в теннис, поскольку в этом одеянии походила на теннисистку.

– Да, – ответила Лена, – хозяин отеля – хороший папин друг, мы часто останавливаемся здесь.

Они выпили по бокалу вина. Оркестранты, видимо, заканчивали вечер: на сцене остались только два гитариста и барабанщик, остальные спустились в зал и заняли один из столиков. К ним присоединились девушки, между ними завязался оживленный разговор.

Начало этого вечера почти походило на вчерашний. Дочь Руслана так же догнала Радзянского, спустившегося на пляж, и так же окликнула его:

– Привет!

В его голове экспромтом возникло желание повторить ее же слова: «Я заметил, что вы упорно не хотите называть меня по имени. На это есть причина?»

– Привет! – За долгую ночь и пробежавший как одно мгновение день Радзянский успел внушить себе, что остыл или начинает остывать к девушке, пытался взглянуть на вещи трезво. Он не спорил, что вчера буквально потерял голову, искал причины, легко находил их, но все равно не мог отделаться от коротких приступов злости на себя при воспоминании о затянувшемся прощании у дверей комнаты Лены и сочувствующем взгляде администраторши.

В такие моменты Радзянский ненавидел себя, осторожно желал, чтобы Елена уехала. Он мог бы сделать проще – откровенно проигнорировать девушку, но какое-то необъяснимое чувство заставляло его делать все наоборот; порой ему казалось, что он давно ждал этой встречи, что хотя бы однажды видел Лену, слышал ее голос...

Гуляя с Леной по пляжу, он возненавидел молодящихся толстяков в компании молоденьких девушек, их пресытившиеся взгляды он не раз ловил на себе. Ему казалось, что он походит на них как две капли воды, и его душила злоба, что он не в состоянии показать, что не купил эту девушку, а просто...

Что – просто?

Лена не могла знать, о чем он думает, но об этом легко можно было догадаться.

Порой она умолкала, и они шли молча. Она передала ему свои сланцы, и под ее босыми ногами шуршала прибрежная галька. Этот звук отличался от других. К примеру, юная особа, которая прошла мимо, вызвала босыми ногами совсем другой звук, Радзянскому показалось, что галька простонала под ее ногами. Ему чудилось, что обувь Елены в его руках все еще хранит тепло ее ног и приятную, едва уловимую влагу, которая жгла ладонь.

Когда стемнело, они снова оказались в конце пляжа, идти можно было только назад, но оба не двинулись с места. Не было пытливого взора администраторши и приоткрытой двери гостиничного номера, однако Радзянский подумал, что вот сейчас им предстоит попрощаться; он мотнет головой и пойдет на свет отеля, как заблудившийся в беспокойном море катер на вспышки маяка.

«Как все глупо», – подумал он. Ему стало стыдно перед Леной. За свою слабость, что он не может прервать это знакомство, не сулящее ни ему, ни ей ничего хорошего, разве только воспоминания, от которых он будет прятаться внутри себя, как моллюск в раковину, а Лена

снисходительно улыбаться. Однако, сколько он ни всматривался, не мог заметить в ее поведении игры, за исключением вчерашнего дня, когда она демонстративно спасала от набегавших на нее волн юбку. Конечно, она догадывается о своем влиянии на него, что, несомненно, доставляет ей удовольствие, иначе бы она находилась совсем в другой компании. А он... Он своей покорностью дает ей пищу для демонстрации своих возможностей.

Араб шел рядом с девушкой и органически не мог согласиться с тем, что ему пятьдесят лет, физиология нашептывала, что ему едва ли больше двадцати, и таким заговорщическим тоном, будто ему перевалило за сотню-другую. И вот парадокс: ему совсем не хотелось выглядеть моложе, как-то скрыть свой возраст. Зачем?! Что, ему действительно перевалило за сто?

Они вернулись, и перед входом в ресторан девушка попросила свои сланцы. Радзянский удержал их, когда Лена потянула сланцы к себе. «Игрун, твою мать!» – На этот раз улыбка, которой он одарил спутницу, была искренней. Он поддержал Лену за руку, пока она, затягивая эту простую процедуру, надевала обувь.

* * *

Борис Левин запланировал свой отъезд на утро. Он появился перед Львом со следами вчерашней бурной ночи на лице.

– Так мне поговорить с Русланом? – Он демонстративно взглянул на часы. На миг Радзянскому показалось, что с помощью этого жеста он прячет глаза.

Лев покачал головой. Сейчас он скажет, что за ночь пересмотрел свою точку зрения, но умолчит, что именно повлияло на него, а точнее, кто. Ему не хотелось признаваться, что вчерашний вечер он провел в компании дочери Руслана Хачирова.

– Я должен подумать, – ответил он. – Хачиров когда уезжает?

Левин пожал плечами:

– Не знаю. Я могу сказать ему, чтобы подождал. Сколько ты намерен рожать?

И снова взгляд на часы.

– Дня два-три.

– Ладно. А как твоя? – Борис намекнул на вчерашнее знакомство в ресторане. – Мясо?

– Кисель, – отмахнулся Радзянский, думая о другой.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Хорошо, что я выбрал другую. Интуиция, – похвалил себя Борис. – Кстати, я тебе ничего не должен? – Его взгляд стал беспокойным, а рука несмело коснулась кармана.

– Нет, все нормально. Может, еще на денек останешься? – безо всякого энтузиазма спросил Лев. Если честно, Борис в сложившейся ситуации был лишним.

– Не могу – дел полно. Да еще почки опять забарахлили.

– Сходи к врачу, – рассеянно посоветовал Радзянский.

– Ходил уже, – скривился Левин. – Сколько раз зарекался ходить по рекомендации...

– Коновал попался?

– В самую точку. А я что, уже рассказывал?

– Вроде нет.

– Короче, порекомендовали мне классного уролога. Тот усадил меня в гинекологический «вертолет», задрал ноги, ввел какую-то жидкость в канал и стал мой член рассматривать. Рассмотрел и стал сокрушаться: «У вас хомутик такой короткий... Не мешает во время полового акта?» Я чувствую, что-то не то. Всмотрелся в уролога внимательно... – Левин с отвращением плюнул под ноги. – И как сразу не определил, что он «голубой»?.. Я ему говорю: «Если интересуешься хомутами, устройся работать в конюшню». Такой вот коновал попался. У тебя-то с почками все нормально? А то могу подсуетиться.

– У меня все нормально с хомутом.

Радзянский вышел проводить Левина, и они проговорили еще минут десять, не обращая внимания на таксиста, который два или три раза напомнил, что счетчик тикает.

* * *

...Оставшаяся тройка оркестрантов покинула сцену, снова включили магнитофон.

Двадцать минут назад Радзянский выяснил, что Руслан Хачиров – друг хозяина этого заведения и его многие знают, сейчас убеждался в обратном: похоже, не все из присутствующих знали Руслана, во всяком случае, его дочь. Развязной походкой к их столику приближался молодой кавказец в расстегнутой рубашке, концы которой он завязал на животе, открывая на обозрение волосатую грудь. Радзянский нутром почуял назревающий конфликт, хотя мог пересчитать по пальцам, сколько раз приходилось ему либо самому участвовать в грязных потасовках, либо быть очевидцем скандала. Вообще он считал, что ресторанные драки чаще придумывают.

Молодой человек еще не подошел, а адреналин, который Радзянский не успел сжечь за свою боевую жизнь, дал знать о себе ослабевшими пальцами и жирным комком, подступившим к горлу и мешающим дышать полной грудью. Смуглое лицо Араба слегка посерело. Что-то неестественное почудилось ему, когда он связал назревающий конфликт со знакомством с дочерью Руслана. Впрочем, он и так перегрузил себя фантазиями за эти два дня, а знакомство... Что ж, никто от этого не застрахован.

– Можно пригласить вашу даму? – преувеличенно любезно спросил парень.

– Пригласить куда? – Радзянский знал, что сейчас помимо воли, неконтролируемо, под глазом бьется нервный тик, крылья носа трепещут, под щеками перекачиваются желваки. Он всегда славился умением предугадать конфликтную ситуацию, и, если бы у парня были мирные намерения, Араб не сидел бы с обескровленным лицом, с которого не сводила изумленных глаз Лена. Радзянский знал: независимо от того, что он ответит парню, все равно тот подтолкнет его на провокацию, поскольку Лев никому не позволял нанести удар первым.

– Куда пригласить?.. – насмешливо переспросил кавказец. – А вы отпускаете ее всюду? Тогда для начала...

– Для начала застегнись, – оборвал Лев. «Нет, неспроста эта ссора. Но какова цель?»

– Да вы, папаша, человек серьезный.

Радзянский бросил взгляд, полный подозрения, на Лену, но та была едва ли не бледнее его. «Что ж, наверное, все-таки это случайность. Хачирову не резон выказывать или, точнее, выплескивать таким вот образом свою отцовскую ревность».

Обменявшись соответствующими случаю репликами, Радзянский шел впереди молодого человека к выходу, замечая все вокруг: за парнем поспешил другой; встала из-за стола Лена, сжимая в руках салфетку; поглядывая то на мужчин, то на девушку, нажимал кнопки телефона обеспокоенный официант. Казалось, закроется за ними дверь, и вся публика, опрокидывая стулья, в стремлении стать свидетелями драки ринется к окнам.

Не зря Радзянский несколько дней назад сказал Николаю: «Если что, я вас обоих порву», – имея в виду его и Руслана Хачирова. Сейчас Пугало мог бы воочию убедиться, что хватка Радзянского не хуже, чем у бультерьера, что за последние годы он не утратил умения контролировать количество вбрасываемого в кровь адреналина. На сей раз, словно упиваясь взбурлившей кровью, Лев дал ей покипеть.

Не дожидаясь предательского удара в спину, Араб круто развернулся и нанес парню такой сокрушительный удар локтем, что того буквально подбросило вверх. Для ускорения Лев двинул его прямой ногой и, пренебрегая боевыми стойками, каких знал немало, стремительно сблизился со вторым противником.

В отличие от первого тот был пониже ростом и пошире в плечах, под стать самому Радзянскому, но и он ничего не смог поделаться с бывшим майором спецназа. Араб не стал тешить публику разнообразием приемов рукопашного боя – сильный удар локтем в лицо, коленом в пах и еще раз коленом в голову, обхватив затылок противника руками.

Видит бог, Радзянский не хотел выглядеть героем перед девушкой, тем более перед посетителями, однако все взоры были устремлены на него, ему были адресованы слова Лены:

– С тобой все в порядке?

С тобой...

Пожалуй, эти безрассудные смуглолицые смельчаки появились как нельзя вовремя. Он не противился, когда Лена, обняв его, вела к столику, вела так бережно, словно это ему только что набили морду. Она налила ему вина, а он спросил: «Это что, нашатырь?» – и поднес бокал к губам.

Араб ловил на себе взгляды посетителей, не без ложной скромности подумав, что вот сейчас, в этот момент, он горд. Не бог весть что случилось, однако так устроена публика: загрызи он двух разъяренных носорогов у всех на виду, на него бы смотрели не так, во всяком случае, не так долго.

Прибежал лет пятидесяти пяти мужчина respectable вида с болтающейся на шее развязанной полоской бабочки, как вскоре выяснилось – директор или «хозяин» отеля, как назвала его Лена. Он принес извинения, отрядил своих людей убрать корчившихся на бетоне парней.

– Думаю, нет нужды беспокоить Руслана, – то ли спросил, то ли посоветовал директор.

«Нет, пусть Руслан – не к ночи будь помянут – спит», – улыбнулся Радзянский, и на его лицо снова вернулись жизненные краски.

13

Он так и не понял, почему Лена называет его Лешей, видимо, израильское «Лева» не совсем подходило этому моменту, а может, ей так больше нравилось.

Хорошо, что она жила отдельно от отца, ревниво относившегося к молодым людям, а вернее, к своей дочери. Интересно, какой формы у него было бы лицо, загляни он в номер дочери? Наверное, формы и цвета хорошо вызревшей дыни.

Она водила пальцем по его груди, выписывая какие-то знаки. Скорее всего магические, приворотные, а Араб не мог согнать с лица блаженной улыбки.

– Что ты пишешь? – шепотом спросил он.

– Тсс. – Она продолжила свое занятие, вытянувшись вдоль его сильного тела.

Комната тонула в мягком зеленоватом свете настольной лампы, открытая балконная дверь позволяла проникать мерному шуму прибоя, который стал неотъемлемой частью настроения, воцарившегося в этой комнате.

– Так что ты пишешь, номер своего телефона?

– Не мешай, – раздельно произнесла девушка.

– Интересно, что скажет папа... – протянул Лев, подражая Малышу, у которого побывал в гостях Карлсон и изломал все, что только смог.

– А ничего не скажет, – беспечно, как показалось Радзянскому, ответила Лена. – Ты женат?

– Нет. Ну... когда-то хотел жениться. Не получилось.

– Почему?

– Почему?.. – Лев надолго замолчал. – Знаешь, до сих пор не могу понять...

– Расскажи, мне интересно.

– Одним словом, – без энтузиазма пояснил Лев, – однажды, очень давно, я бросил монетку, и она упала не в мою пользу.

– Понимаю... А дети у тебя есть?

Лев снова замолчал. Девушка переменяла тему, видя, что он не хочет отвечать.

– Чем ты занимаешься?

– Развожу рыбок, торгую черепаками и лягушками.

Лена легонько шлепнула его по руке.

– Я серьезно спрашиваю.

Так же «серьезно» допытывались вчерашние дамы. Хотя нет, уже позавчерашние. «Пойти от противного, – подумал он, уподобляясь Борису Левину, – и сказать, что возглавляю холдинг?»

– Серьезно: я – хозяин магазина «Природа». Местные мальчишки называют его «Болотом», а меня – Дуремаром.

Лена рассмеялась. Потом положила голову на грудь Радзянского:

– У тебя так сильно сердце бьется...

– Да, это обогащенная кислородом кровь попадает через легочные вены в левое предсердие. А потом через аорту разносится по всему организму. А венозная кровь хлещет по полым венам и попадает в желудочек...

– Чего?! – Лена удивленно воззрилась на партнера. – А ты не врач случайно?

– Врач, – подтвердил Араб. – Я бо-ольшой специалист по сердечно-сосудистой терапии. В узких кругах известен под именем... Впрочем, свой псевдоним оставляю в тайне. Также специализируюсь по лечению дыхательных путей.

– Шутка?

– Шутка.

– Я поняла. А зачем ты понадобился отцу?

– Почему не наоборот?

– Потому что я, – она словно подбирала слова, – я научилась распознавать, когда кто-то ему нужен, а когда... наоборот.

– Давай не будем про отца. Остановимся на том, что я вызвался поставлять ему пиявки.

Радзянский не узнавал себя. Подобную предутреннюю ересь он городил в студенческие годы. «Переживаю вторую молодость?» Бог ты мой! Дело было не в мужской силе, не в чувствах, которые могут захлестнуть в любом возрасте, а в мозгах. Их перевернуло напрочь в овладевшем им сексуальном маразме. Он не показывал этой девочке, как и что он может в постели, просто инстинктивно угадывал, что ей было нужно. Вот сейчас в плане секса она была удовлетворена, очередная «порция» испортила бы все. Ей хорошо, она раскованна, ее клонит в сон, но она мужественно борется с ним, понимая, что несвязный лепет доставляет партнеру удовольствие. И с ним, наверное, происходит то же самое.

Лишь в начале девятого, когда оба проспали от силы три-четыре часа, Радзянский услышал от Лены что-то вроде ругательства. Она тормошила его за плечо и горячо шептала в ухо:

– Блин!.. Вставай, слышишь? Отец ломится!

В своей жизни Араб выходил победителем из многих ситуаций, но эта показалась ему безвыходной. Он натягивал шорты и мысленно подсчитывал: «Восемнадцать и восемнадцать – тридцать шесть. Полста минус тридцать шесть получится четырнадцать. Я старше ее почти в три раза!»

– Куда мне? – Лев не попадал в майку руками, слыша настойчивый стук в дверь и нетерпеливый голос осетина.

– В ванную! – шепнула девушка, придавая второй подушке нетронутый вид.

Араб сидел на краешке ванны и обливался холодным потом. Сверху сорвалась давно зревшая капля воды и, как показалось Радзянскому, с оглушительным шлепком упала ему за воротник.

Он весь превратился в слух, даже сердце перешло в режим мерцательной аритмии, однако мысли перекрывали голоса отца и дочери, и он ровно ничего не понял из их разговора. «Вот старый дуралей! Угораздило же!.. Эй, Руслан, скоро ты там?»

«А девочке, наверное, не до смеха».

Завелся...

Естественно, он имел дело с молоденькими девушками, но ни одна из них не была так чиста и притягательна, как Лена. Он с первых же минут их знакомства на пляже почувствовал влечение к ней, не надеясь, впрочем, на близость. Может, это неординарное «искупление греха», когда вдруг из разряда обычной шлюхи она шагнула в иное качество? Радзянский не раз возвращался именно к этому моменту, упуская из виду то обстоятельство, что перемена состоялась раньше, когда он не мог оторвать взгляд от Лены, в одиночестве сидящей за столиком, не мог забыть ее свежести, окутавшей его, когда она прошла мимо. Уже тогда он подсознательно изменил свое мнение о девушке. А может, еще раньше, когда шел в отель кружным путем – мимо бассейна, в котором, как золотая рыбка в его аквариуме, плавала Лена.

Он вдруг успокоился и уже особо не переживал, что сюда может заглянуть Руслан. Радзянский вспоминал, как далеко за полночь закончился ужин в ресторане, как он, обнимая, вел Лену в номер. Его не обуревали сомнения, он жил той минутой, когда держал в объятиях податливое тело девушки.

Сгорел Радзянский, за считанные часы сгорел, сам себе удивляясь и сам же просил не удивляться. Его совсем не насторожило, что ему отвечают на поцелуй, распахивают дверь, позволяют обнажить грудь и уложить на кровать, видеть, как через неплотно прикрытые веки возбужденные глаза наблюдают за суетливыми движениями рук, снимающих одежду.

От воспоминаний отвлек тихий стук в дверь.

«Это не Руслан, – определился Радзянский, – тот вышиб бы дверь одним ударом своей больной ноги».

– Войдите, – официальным тоном разрешил он и тут же притянул Лену к себе.

– Честное слово, – произнесла она, принимая его ласки и прикрывая глаза, – это ради тебя. Стала бы я прятать, не будь у тебя с отцом деловых отношений. Что в противном случае? – спросила она и сама же ответила: – Конец всех отношений. Даже больше: знаешь, какой он мстительный?

– Больше чем ревнивый? – улыбнулся Лев.

– В сто раз!.. И еще одно... Ты не обидишься?

– Нет.

– Честное слово? Что бы я ни сказала?

– Клянусь! – Лев начертил в воздухе звезду Давида.

– Ну ладно. Его бы убило, что ты намного старше меня.

– Я даже старше твоего отца. Какая тут может быть обида?

– Ну все, тебе надо идти. Сделай вид, будто возвращаешься с моря. Возьми у себя в номере...

– Лена, – наставительно произнес Радзянский, приоткрывая часть тайны, – я не только торгую лягушками, еще я имею уникальную профессию планировщика. Я уже все спланировал. Вечером встретимся?

Она кивнула, выпроваживая его и оглядывая на всякий случай коридор:

– Ага. В баре.

Лев Радзянский не был бы планировщиком с изощренным умом, не подытожь он этот сумасшедший промежуток времени вопросом, который кольнул его в сердце: если Лена отдавалась ему на второй вечер, то...

«Уподобляюсь Руслану», – посочувствовал отцу девушки Радзянский. Но все же она была чертовски хороша, свежа, чтобы не задать себе такой вопрос. И он задал его, не ответил и поспешил к себе в номер, чтобы принять душ и переодеться.

14

Радзянский позавтракал в центре города в уютном кафе на Тенистой улице, которое так и называлось: «На Тенистой». Правда, несколько подпортил настроение официант, попросивший не занимать столик, за которым расположился Радзянский. По привычке Лев выбрал лучшее место – в дальнем конце веранды, где лежала тень от кипариса и просматривался небольшой участок горизонта.

Пришлось пересечь ближе к каменным ступеням, круто уходящим вниз. По обе стороны, словно живые перила, до самой дороги протянулись аккуратно подстриженные по высоте человека среднего роста кусты маслины. Они представляли собой непроницаемую стену, за которой высились мускатные деревья и раскидистые дубы.

С соседнего столика на Радзянского обернулся пожилой мужчина.

– В это время здесь всегда завтракает начальник городской милиции, – пояснил он. – Большой человек! – Сосед на минуту умолк, затем снова подал голос: – Вам повезло, сейчас вы увидите начальника.

– Он что, местная достопримечательность? – съязвил Радзянский, однако невольно обратил взор на ступеньки.

В кафе, словно по зеленому тоннелю, поднималась поджарая, маленького роста, бесцветная, безукоризненно одетая личность. С долей брезгливости Лев смотрел, как эта пародия на человека усаживается на лучшее место, неторопливо берет со стола салфетку, уложенную треугольником, и затыкает за ворот рубашки.

Начальник ел много и, наверное, долго – Лев не любил бесплатные развлечения, быстро позавтракав, покинул кафе. Он взял такси, попросив водителя остановиться у самого края парковочной площадки отеля, чтобы его было видно завтракавшему в ресторане Хачирову. Если же Руслан что-то заподозрил и вызовет на откровенный разговор, Радзянский ничего утаивать не будет. В конце концов, это его личное дело. Если его отношения с Леной хоть как-то повлияли на их сотрудничество, Хачиров вправе отказаться, а Радзянский в этом случае не станет требовать с него компенсации за напрасно потерянное время. Он коснется двумя пальцами козырька своей бейсболки и отчалит восвояси.

* * *

Задача, поставленная перед Львом Радзянским, была не из легких. По сути, Хачиров имел к Радзянскому два предложения. Чисто теоретически можно предположить, что Араб согласится на весь объем работы, но вначале нужно выполнить одно задание, заодно проверив платежеспособность заказчика: если Руслан даст незначительный повод к сомнениям, Араб усложнит свою работу, и Хачирова с диагнозом «острая сердечная недостаточность» вынесут из дома вперед ногами. О чем, собственно, Лев Платонович не преминул сообщить осетину.

Вообще специалистов класса Араба в стане наемных убийц и беспредела практически не было. Они есть в специальных подразделениях, но Радзянский имел право усомниться в их использовании по назначению. За последние годы он, внимательно отслеживающий события криминальной хроники, три или четыре раза отмечал про себя, что вот тут мог сработать его коллега, отправив клиента на тот свет с диагнозом «обширный инфаркт».

Сейчас же Араб так или иначе отходил от сложившейся традиции: Руслану все равно, прострелит ли Радзянский клиенту голову или найдет на него сердечную порчу.

Менять стиль – особенно сейчас – глупо, но справиться с заданием Хачирова легче, ликвидировав сбежавшего в Каир Белокурова, насолившего всем и вся, традиционным способом.

Радзянскому это виделось более безопасным. И чем больше он об этом думал, тем четче представлял свои будущие действия.

Главная трудность – не просто ликвидировать названного Хачировым человека, а вначале найти его. В активе Араба кое-что было: имя клиента, страна пребывания, организация, которая предположительно дает ему «крышу». В приступе эйфории он подумал, что работа привалила интересная и старые контакты тут ему очень помогут.

Радзянскому словно развязали руки – он буквально ожил, да еще дочь Руслана способствовала этому, как он шутливо говорил, реанимировала его. Он как мог удерживал себя в курортном городке рядом с девушкой. «Хачиров либо слепой, – думал Радзянский, – либо знает все и махнул на мои отношения с дочерью рукой». Ведь только с самолета можно было не заметить Радзянского и Елену, которые не отходили друг от друга.

Они провели вместе две ночи, а обоим, во всяком случае Радзянскому, казалось, что две недели, а порой – всего два коротких часа. Эти крайности говорили о многом, например, о том, что Араб потерял голову. Девушка отвечала ему взаимностью, была чиста и... чуточку влюблена в Радзянского. Это-то и усыпило бдительность некогда опытного оперуполномоченного внешней разведки, который упорно не хотел вспомнить первое правило разведчика: «Никогда, нигде, никому не доверяй до конца». И он наслаждался обществом юной красавицы.

Истина: не нужно быть опытным мужчиной, чтобы понять, насколько опытна партнерша. Лена знала и умела многое. Со стороны казалось, что она либо очень умело контролирует себя, либо все это глубокое естество дано ей от природы. Во время близости она не улыбалась, как откровенная дура, которую можно рассмешить, показав палец, не кривила безобразно губы и не кусала их, не кричала во время оргазма. Она натурально дрожала, долго не отпуская от себя партнера – Араба, потом благодарила его несколькими горячими поцелуями пересохших губ.

* * *

Они простились на парковочной площадке отеля, где Льва поджидало такси. Чернобрый таксист завистливо щелкал языком, глядя на красивую девушку, которая как-то не родственному прощалась с седоватым мужчиной. А когда тот сел в машину, его спутница, наклонившись к дверце, нарисовала на стекле какой-то знак и подышала на него. Под ее дыханием на стекле проступило сердечко.

Лена провожала желтую «Волгу», пока та взбиралась по горной дороге, иногда теряясь из виду. После этого девушка вернулась в номер и, усталая, опустилась на кровать. Ей хотелось плакать. Сполоснув лицо холодной водой и скрыв покрасневшие глаза за солнцезащитными очками, она спустилась в ресторан, где в это время по обыкновению обедал Руслан Хачиров. Она присоединилась к нему, отказавшись от вина, и на его вопрос, уехал ли Радзянский, ответила утвердительно:

– Да, Руслан.

Глава 4

Миссия в «Вечный город»

15

До отъезда из Каира оставались считанные дни, резидент вызвал к себе Радзянского и дал указание, касающееся оперативного контакта: «Сворачивай работу с Историком, он неперспективен. Дело сдай в архив».

Настоящее имя Историка было Халед Валили. Он был молод и доверчив. Лев часто встречался с ним, и последняя встреча могла стать переломной, поскольку Историк сообщил, что накатал письменный отчет на двух страницах о каких-то группировках, ориентированных на западные страны. Осталось только указать место, где он может оставить документ.

– Друг мой Халед, – Лев увлек Историка подальше от мечети Аль-Азхар, где произошла встреча, – лучше расскажи про состав резидентуры ЦРУ и их деловые связи среди местного населения.

Халед округлил глаза.

– Да где же я возьму такие сведения?!

– А-а! – многозначительно произнес Араб. – Вот когда достанешь, мы и поговорим. Сроку тебе – два дня. Ладно, ладно, шучу. Я тебе скажу только одно: мой шеф зажрался, назвал тебя техническим курьезом.

Впоследствии этот «курьез» стал внештатным сотрудником египетской разведки «Мабахис», активно сотрудничающей с советской разведкой. Историк представлял некоторый, чисто закулисный, интерес, но давнее решение каирского резидента никто не отменял; и, кроме души и тела, частично Халед Валили пребывал в ипостаси печатных страниц в пыльной папке архива.

Следующая встреча с Историком состоялась спустя тринадцать лет. Халед выглядел опытным, знающим и... напуганным.

– Как ты нашел меня? – искренне удивился он.

Лев приехал в Каир, чтобы встряхнуться после тяжелой работы в подразделении «Набат», и развлечения ради, вспоминая оперативную молодость, без труда отыскал «технический курьез». Раньше Халед жил в живописном и шумном квартале с узкими улочками, неподалеку от мрачного кладбища Баб-Аль-Вазир. Пара вопросов отощавшему представителю душного квартала, зеленая бумажка в десять американских долларов, и Радзянский едва отбил от счастливец, который схватил Араба за руку, намереваясь таким вот образом отбуксировать благодетеля к порогу дома Халеда.

– Тебя расконсервировали, – снова пошутил Лев, умело надевая маску мрачности. – Надеюсь, за двенадцать лет ты определил деловые связи ЦРУ. Да, нет? – он продолжил давление, но быстро сдался. – Я снова пошутил, друг мой Халед. Пойдем выпьем. Ты по-прежнему предпочитаешь виски?..

В течение последних лет Радзянский трижды встречался с Историком и все время видел его обеспокоенные глаза. Его забавляла эта игра, от которой отказаться он не мог. Он держал Халеда Валили в напряжении. Один раз попросил заехать за ним к российскому посольству, спросив, какая у него машина. Историк уже давно выяснил, что его давний вербовщик не работает в посольстве, но отказаться от встречи не мог.

* * *

У Радзянского была открытая виза, но он воспользовался услугами туристической компании «Москва-тур» и вместе с группой вылетел в Каир. Настроение было превосходным, он почти с жадностью вдыхал раскаленный воздух Египта, страны, которую полюбил и навещал как минимум раз в два года; именно навещал, одухотворяя древнее государство, думая о нем как о живом существе.

На следующий день, отдохнув от перелета и традиционного общения между членами туристической группы, Лев созвонился с Халедом, наведаясь в фирму проката автомобилей и заплатил за «Опель Омегу» вишневого цвета.

С 1997 года Халед Валили перешел на спокойную и прибыльную работу – возглавил отдел по охране древних монументов Гизы. Основная работа подчиненных Халеда противоречила коренным задачам и состояла в том, чтобы незаконно взимать с туристов деньги за восхождение в предутренние часы на пирамиды. Разовый пропуск стоил порядка ста американских долларов.

Радзянский оставил машину в километре от основного монумента и остальной путь проделал пешком, обходя дамбу, нависшую над поселком Назлет-эль-Самаан.

Халед уже поджидал старого знакомого. Радзянский отметил и изменившийся взгляд, и сам облик «технического курьеза». Форменная рубашка с блестящими пуговицами туго обтягивала выпуклый живот, усы с проседью обостряли снисходительную ухмылку, а пот, проступивший на благодатном лице араба, казался елеем. Радзянский улыбнулся, ибо Халед напомнил ему великого комбинатора, шарахнувшегося от рукопожатия компаньона: «Нет, нет, не обнимайте меня. Я теперь гордый... Теперь я команду парадом! Чувствую себя отлично».

– Халед, старина! – Лев похлопал его по плечу. – Годы идут тебе на пользу. Скажи честно, это пирамиды так действуют на тебя?

– Они, они, – правдиво ответил Историк. – Давно приехал?

– Мог бы и не спрашивать. Сразу к тебе. Как здоровье, Халед?

– Благодаря всевышнему. – Валили обратил пылкий взор к вершине золотоносной пирамиды и вежливо осведомился о самочувствии собеседника.

– Отлично! «Два неба идут ко мне», – ответил Араб «мертвым» текстом. – Знаешь, Халед, ведь я привез тебе денег.

– Хочешь забраться на пирамиду? – Валили принял деловой вид.

Лев рассмеялся:

– Вот уж действительно: у кого чего болит. Да я там каждый камень знаю! Нет, мне от тебя потребуется услуга иного рода. Нужно найти одного человека, русского, здесь проживает нелегально.

Последнее слово особо не понравилось стражу. Он насупился и покачал головой:

– Нет, Лев, я уже давно не занимаюсь такими вещами.

– Сначала спроси, сколько я тебе заплачу.

– Сколько? – сорвалось с языка араба.

– Три тысячи долларов.

– Хм... – Валили потеревил ус. Он жил в стране, где торг был едва ли не основой существования. Но прежде чем продолжить, осведомился: – Могу я спросить, на кого ты работаешь?

– Тебе ли не знать ответа... Но я скажу: это частное дело.

Капитан с сомнением покачал головой, зная, однако, что большего не добьется.

– Пятнадцать, – заявил он.

– Пятнадцать чего, – спросил Лев, ничуть не удивившись, – египетских фунтов? – Не дав собеседнику ответить, ибо прекрасно знал курс на рынке иностранных валют, продолжил: –

Окончательная цена четыре тысячи... Десять?! Побойся бога, Халед! Он слышит тебя. Четыре с половиной.

– Пять, – завершил торги Валили.

– По рукам.

– Но я ничего не обещаю, – предупредил араб.

– Вот это здорово! – снова рассмеялся Радзянский.

– Заметь, Лев, я не спросил, кто этот человек и зачем он тебе понадобился.

– Я это заметил. Ты сразу перешел к денежному вопросу. Даже не спросил о сроках.

Историк нахмурился еще больше.

– Ладно, я попробую. У меня есть нужные люди. Но, – он выдержал паузу, – придется раскошелиться и на них. Как насчет дополнительной суммы?

На курсах разведчиков посвятили в непреложную истину: «За деньги можно завербовать любого человека, дело только в количестве». В случае с Халедом, которого Лев решил держать в определенных рамках, ни о какой дополнительной сумме речи быть не могло. Разве что премиальные. О них придется сказать, что, в общем-то, будет походить на послабление.

– Это твои проблемы, – ответил Радзянский. – Сделаешь работу, отчитаешься – кому и сколько. Может быть – повторяю: может быть, – я соглашусь поделиться расходами. В разумных пределах, естественно. Теперь о сроках. Человек мне нужен максимум через семь дней.

– Хорошо, я согласен. – Халед, часто кивая головой, выслушал все, что было известно Радзянскому об Игоре Белокурове. Работа сложная, прикинул он, хотя за неделю рассчитывал справиться. Пожалуй, опорной точкой может послужить счет о переводе полутора миллионов долларов в один из коммерческих банков Египта и номер факса, с которого по неосторожности, а скорее по причине злобы на партнеров беглец так или иначе дал знать о себе. Факс мог оказаться общедоступным, например, Белокуров мог дать его с телеграфа, в этом случае работа Халеда усложнялась.

Для Радзянского этот момент также был важен. Данные, полученные им от Левина и Хачирова, были известны не только ему, но и частному сыскному агентству, которое занималось установкой местонахождения Игоря Белокурова, и в них отсутствовала важная деталь: с одного ли факса были посланы сообщения на имя Кургаева и Иванова, представляющие две противоборствующих стороны. Хотя... С другой стороны, этот момент был не так уж и важен, все по своим местам расставит время.

Лев вручил капитану задаток – две тысячи долларов, и они распрощались.

* * *

Халед действительно уложился в неделю. При очередной встрече араб выглядел заметно осунувшимся. А может, искусно напустил на лицо усталость, уже своим видом рассчитывая на премиальные.

– Ну и работу ты мне задал, – посетовал Валили, облаченный на этот раз в цивильный костюм: серую рубашку с короткими рукавами и кармашками на груди и брюки такого же цвета. – Начну с главного и обрадую тебя: нашел я человека, которым ты интересуешься. Впервые, поначалу он жил в Луксоре. Установили по оплате за факс, телефонным счетам местного телеграфа и гостиницы. Кстати, он до сей поры пользуется отелями.

– Сейчас он в Каире?

– Да, проживает в гостинице «Карбункул», номер комнаты 418.

– Я знаю этот отель. Если мне не изменяет память, он находится неподалеку от посольства Италии.

– Да, в паре кварталов от него. – Халед Валили надел загадочную улыбку. – Тебе нужна фотография этого молодого человека?

– Не бесплатно, разумеется, – усмехнулся Радзянский, подумав, что на лишнюю тысячу капитан может рассчитывать.

– Дарю, – самодовольно отозвался Халед, вынимая из нагрудного кармашка фотографию молодого человека со стрижкой, наполовину закрывающей уши, и черной короткой бородой. На снимке Белокуров был запечатлен выходящим из дверей отеля: одна рука на взлете, другая держит кейс; смотрит в сторону, густые брови нахмурены. – Снимок сделан с расстояния примерно в двадцать метров, – пояснил Валили.

Лев внимательно рассмотрел деформировавшуюся от влаги пропотевшей рубашки Халеда фотографию, но в руки не взял.

– Комната с телефоном? – спросил он.

– 339-44-19. Еще какие-нибудь подробности интересуют? Могу сказать, что он связан с немецкой строительной компанией – что-то вроде посредника. Делает пожертвования в местную организацию религиозного толка.

– Что за организация? Расскажи подробно.

Лев слушал, поигрывая брелоком-отмычкой, разработанной для секретных агентов, и думал, что этот Белокуров не так уж и глуп – не беря в расчет его бездарную выходку с факсом. Впрочем, его можно было найти и без этого, просто поиски заняли бы больше времени. Организация, куда делал пожертвования беглец, называлась «Спутники РаАтума», или, более правильно, – «Апостолы РаАтума», божества, которое вначале создало само себя, а затем стало царем над царями и богами. Последний перевод, сделанный Радзянским, по смыслу был ближе этому движению. Оно не было очень влиятельным и большим, но его члены ревностно относились к людям, за чей счет они существовали.

Когда Валили закончил, Радзянский вручил ему четыре тысячи и еще раз поблагодарил:

– Хорошая работа, Халед. С меня еще и ужин в ресторане.

16

Прежде чем открыть замок в гостиничном номере Игоря Белокурова, Радзянский тщательно обследовал дверь. Порой между дверью и косяком прикрепляют метки-сторожки в виде волоса или тонкой нитки, первоначальное положение которых нарушается при открывании двери. Вряд ли Белокуров пользуется таким способом, однако Араб учел все. Не обнаружив ничего подозрительного, он вошел внутрь.

Гостиничный номер претендовал на полулюкс: гостиная с бордовым ковром в центре, спальня, душевая кабинка, отделанная песочного цвета кафелем, крохотный балкончик по ширине двери, встроенные платяные шкафы. В середине гостиной, но ближе к балконной двери, – массивный стол, у одной стены два кресла, разделенные торшером и узким журнальным столиком, на котором стоял телефонный аппарат. Спальня оказалась небольшой; кроме кровати, заправленной зеленым покрывалом, тумбы и пары стульев, там ничего не было. Окно выходило на ту же сторону, что и балкон в гостиной.

Обследовав номер, Радзянский устроился в кресле и пододвинул к себе телефонный аппарат фирмы «Панасоник». Разобрав его, Араб присоединил к печатной плате базовую электрическую схему. На ней, в отличие от телефона, не стояла марка страны изготовителя, поскольку не в привычке Радзянского было клеймить собственные творения. Однако этому производству он дал имя собственное – «Черная пелена», имеется в виду – перед глазами, которой предшествуют чрезмерные перегрузки. По сути, эта схема представляла собой определитель номера, но несла в себе и другие функции и была укомплектована миниатюрным импульсным взрывателем и комочком пластиковой взрывчатки; а сама схема после срабатывания взрывателя переходила в режим самоуничтожения. Этим разработчик «Черной пелены» преследовал две цели: невозможность определить истинный тип взрывного устройства, и второе, вытекающее из первого: невозможность определить номер абонента, с которого был послан сигнал.

Кроме всего прочего, плата с одной стороны имела стандартный разъем для слота к материнской плате ноутбука или ноутбука и, будучи установленной в свободный слот, казалась неотъемлемой частью компьютера – для того, чтобы это взрывное устройство можно было безо всякого риска пронести, например, на борт самолета и без проблем доставить к месту назначения.

На «пелене» Радзянский заранее поставил перемычки таким образом, что они давали цифру 3421195 – номер телефона в баре, находящегося в квартале от гостиницы. Запитав схему, Лев собрал аппарат и принялся за телефонную трубку. Собственно, там нужно было только прилепить рядом с динамиком кусочек пластита и воткнуть в него импульсный взрыватель. Что Араб и сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.